Протоиерей Андрей Ткачев

Миссионерские записки

Оглавление

О МИССИОНЕРСТВЕ
ВЫБОР ВЕРЫ
ИНКУЛЬТУРАЦИЯ
ГОРОДА
ПРОСТЫЕ ВЕЩИ
ТЯЖЕЛЫЙ ТРУД
СОКРОВИЩА
НЕЗЫБЛЕМЫЙ ФУНДАМЕНТ ВЕРЫ
ПРЕКРАСНАЯ ТРАДИЦИЯ
УТРАЧЕННОЕ НАМИ
ПРЕДТЕЧА МОЛИТВЫ
ДИАЛОГИ
МИССИОНЕРСКИЙ КОМПОНЕНТ
ПЯТЬ СКУДНЫХ ХЛЕБОВ
ХВАЛА И ПОКАЯНИЕ
КОГДА ПРИЧАЩАЮТСЯ ДРУГИЕ
«ПРИМИТЕ, ЯДИТЕ»
СПАСАТЬСЯ СПАСАЯ
ВЕЛИЧИЕ ЗЕМНОЕ
СИЛА ПРИХОДА
ВСЛУШИВАЕМСЯ В ВОЗГЛАСЫ
КАНОН
ПИСАНИЕ
ГЛАВНЫЙ ВРАГ ПРОПОВЕДНИКА
АПОСТОЛ ПАВЕЛ В АФИНАХ
ИДЕАЛЬНЫЙ ПРИХОД
ЗАДАЧА-МИНИМУМ
ЗАЖЕЧЬ ДРУГОГО
КУЛЬТУРА
ПАСКАЛЬ
ЧЕСТЕРТОН, ЛЬЮИС, МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ
ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ МИССИЯ?
ДОМ

О миссионерстве

Пригласили священника в школу с детьми побеседовать. И пока по коридору в аудиторию шли, завуч священника просит: «Вы им скажите, чтоб они себя вели хорошо, не курили на переменах, на уроках sms-ками не обменивались, в туалетах на кафеле гадости не рисовали фломастером».

Пригласили священника в армию. И пока через плац с дежурным офицером в актовый зал шли, офицер священника просит: «Вы им скажите, чтоб они приказы командиров исполняли безропотно, чтоб с оружием вели себя осторожно, чтоб в село за самогонкой в самоволку не бегали, чтоб деды младших сильно не обижали».

Привели родители ребенка первый раз на исповедь. Говорят ему: «Ты ж обязательно батюшке скажи, что ты нас с папой не слушаешься». А батюшке говорят: «Уж вы его пожурите, чтоб он не был таким строптивым, чтоб ел то, что дают, не спорил с нами, слушался».

Куда бы священник ни пришёл и кого бы к нему ни привели, всем, в первую очередь, желательно, чтобы в мире умножилось послушание. Чтобы умножилась молитва и родилось богопознание – так этого нет. Главное – послушание подавай. Архимеду нужен был рычаг и точка опоры, чтобы перевернуть мир. Начальники и командиры всех сортов, кажется, видят в священниках рычаг для переворачивания мозгов подчиненных в сторону послушания. Это неправильно.

Упрекают дореволюционную Церковь в том, что она слишком была связана с монархическим режимом, что она превратилась в одну из главных его подпор. И пострадала, дескать, затем так жестоко из-за крушения режима, который подпирала и поддерживала. Может быть, это и так, но ведь сегодня от Церкви хотят того же самого – подпирать и поддерживать. В Церкви ищут не Церковь, но некоторые из ее функций, далеко, кстати, не основные. Любая власть стоит пред соблазном потребительского отношения к Церкви в своем государстве. «Помогите нам бороться с наркоманией, скажите народу, чтоб не бунтовал, помогите бедным терпеливо дожить до смерти и не смейте учить нас, как нам самим поступать».

Рабовладельцы были бесовски прозорливыми миссионерами. Они сознательно крестили рабов, чтоб дядя Том смиренно жил в соломенной хижине, сочиняя очередной «спиричуэл», и нож в руки брал только для срезания плодов при уборке урожая. Может, русская Церковь до революции и была виновата, но тогда не стоит забывать, что под угрозой оказаться в таком состоянии находятся все Церкви в любом христианском народе.

Бога надо любить не за то, что Он даст. Бога надо любить как Бога, а не как спонсора. Лучшие сыны Израиля до пришествия Христова поняли, что Тору нужно читать и изучать не «для», а ради сладости самой Торы.

Известны слова Христа из Евангелия: Милости хочу, а не жертвы (Мф., 9, 13). Эти слова процитированы из книги пророка Осии, и у них есть продолжение: Милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений (Ос., 6, 6). Боговедение – это знание Бога, такая память о Нём, которая стремится стать непрестанной, поучение в Его слове, исполнение заповедей. Послушание младших старшим и подчиненных – начальникам, милосердие, справедливость в судах, верность в браках – это лишь плоды боговедения. Нельзя искать плодов, не окапывая и не поливая корни. Когда умножаются грехи, тогда Господь готов в гневе судиться с жителями земли, и суд у Него с людьми потому, что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле (Ос., 4, 1).

Все пророки говорят о Мессии, даже если мы не всегда видим это и понимаем. И все пророки словно едиными устами и единым сердцем говорят: Итак, познаем, будем стремиться познать Господа; как утренняя заря – явление Его, и Он придет к нам как дождь, как поздний дождь, оросив землю (Ос., 6, 3). Не нужно думать, что этот горячий вопль обращён только к ветхозаветным людям. Не нужно думать, что нам, верующим во Христа, людям Нового Завета, уже нечего познавать больше и стоит успокоиться чтением Символа веры. Познавать Господа, искать Его с раннего утра до позднего вечера обязаны все, кто знает, что Бог есть. Более того, сыны Евангелия должны распаляться большей жаждой благодати, чем сыны Закона. Слова Исайи и Осии должны быть более нам близки, нежели современникам пророков.

История христианского мира – это история драматических взаимоотношений между Богом и Его новыми людьми. Господь избирал и возвышал неизвестные дотоле, сидевшие в исторической тьме народы. Господь дарил им Себя, и было им хорошо, покуда Он был их главным богатством. Когда же они хотели превратить Его благодать в свою частную собственность или начинали хвалиться Его подарками, будто своими заслугами, Он отворачивал Своё Лицо. Он также мог гневаться на людей, когда они больше внимания уделяли религиозному искусству: резьбе по камню, церковному злату, стройному пению, витийствующему богословию – и забывали о Боге как о Центре, о сердце, об

Источнике. Любили лучи и забывали солнце – можно так кратко сказать. Это было не богопознание, но цветистый культурный обман, разросшийся на месте бывшего богопознания. Тогда исполнялись слова: Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения: так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя от священнодействия предо Мною (Ос., 4, 6).

Всё это было у евреев, но не у них одних. Просто на их истории эти процессы видны, как на матрице. Впоследствии они проявились многократно в истории разных народов, познавших Бога, в том числе и нашего.

Когда священника зовут в школу или армию, это уже хорошо. И не страшно, что его просят повлиять на подчиненных с целью улучшения их дисциплины. Пусть просят. А священник все равно пусть главной своей задачей считает разговор с людьми о Боге. Улучшение дисциплины будет побочным продуктом светлых знаний о Господе Иисусе Христе. И передача этих святых знаний – главная задача священника, ибо уста священника должны хранить ведение, и Закона ищут от уст его, потому что он – вестник Господа Саваофа (Мал., 2, 7).

Кто-то из мудрых миссионеров сказал: «Когда говоришь с еретиком, не говори против него, говори выше». Говоря против, мы ничего не достигнем, поскольку в силу одного лишь инстинкта самосохранения человек будет спорить, защищаться, не соглашаться. Но если в недрах нашего церковного сознания мы богаты тем, чего нет и не может быть у отколовшихся от Церкви, то мы должны суметь указать им на те высоты, о которых они еще не думали, показать им сокровища, которых они не видели.

Так же и с обычными слушателями. Мало толку пережевывать повеления с частицей «не»: «не ругайтесь, не курите, не грешите, не скорбите». Мы – регенты. Нам нельзя говорить «не фальшивьте» – нам нужно дать чистую настройку. Кроме отрицательной частицы «не», в проповеди должен присутствовать позитивный призыв: «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными. Взыщите Бога, и жива будет душа ваша».

Другими словами, «пойдем к Нему, а не к Его дарам; к Нему Самому, а не к Его свойствам; пойдём вверх и перестанем растекаться по плоскости».

Выбор веры

Преподобный Нестор рассказал нам в «Повести временных лет» о том, как Владимир князь выбирал веру. Словно перед «Витязем на распутье» на картине В. Васнецова, перед князем открывались три дороги: христианство, ислам, иудаизм. Пока проповедники расхваливали перед князем каждый свою веру, мир небесный замер в напряженном ожидании. Куда склонится сердце князя? В какую сторону потечет жизнь многочисленного народа?

Сердце царя – в руках Божиих. И Богу часто нужно призвать одного, чтобы через него обратить многих. Так случилось с Владимиром. Но ведь не только он ценен в очах Создателя. Ценен каждый человек. И если тогда вождь выбирал за всех своих подданных, то сегодня каждый выбирает за себя. В наше время небеса замолкают в ожидании поминутно, потому что ежеминутно где-то в мире совершается мировоззренческий выбор, решаются вопросы религиозного самоопределения.

Мы привыкли смотреть на вопросы веры как на вопросы всенародные. Словно ветхозаветный Израиль, мы мыслим категориями больших чисел: «весь народ грешен – весь народ свят», «все веруют – все отступили». А ситуация, между тем, давно изменилась. Многие социальные скрепы распались. Слово «соборность» звучит архаично и малопонятно, зато всем понятно слово «индивидуализм». На плечи отдельного индивида (заметим: чаще всего отнюдь не богатыря) легла тяжесть личного религиозного выбора. Есть Бог или нет?! Если есть, то в какую общину войти, по какому закону жить, как молиться? Какой фактор в этом выборе решающий: голос крови, авторитет предков, личный опыт? Вопросы более чем серьезные. Нечувствие их остроты рождает преступное легкомыслие, рождает соблазн легкими способами лечить глубокие раны.

Я боюсь веры по привычке. Если верить только в силу традиции и в силу происхождения, то тогда есть своя нерушимая правда и у язычников, а князь Владимир нарушил обычаи отцов. Вопрос о вере – это вопрос об истине. Если традиция противоречит истине, такую традицию надо отвергать ради евангельской новизны, сколько бы столетий за этой традицией ни стояло. Религиозное самоопределение в нашем мире и в нашу эпоху, таким образом, требует растревоженной совести и внутреннего огня. Религиозное самоопределение меньше всего сочетается с самодовольным спокойствием.

Наш народ, несколько поколений которого выпали из пазов и очутились в огненном водовороте, получил реальный шанс уверовать заново, ощутить и понять Церковь как истинную Мать и Лестницу к Небу, а не как культурно-бытовой довесок к привычной действительности. Этот подарок тяжел, как шапка Мономаха, как меч Ильи Муромца. Такие подарки Бог кому попало не раздает, но лишь тем, кто эту благородную тяжесть способен вынести. Мы возвращаемся домой. Но возвращаемся не стройными колоннами, а поодиночке, словно бойцы, бежавшие из плена или вырвавшиеся из окружения. Процесс возвращения к святыням растянут во времени и осложнен тысячами условностей. Все это требует повышенной чуткости от пастырей и от уже воцерковленной части народа.

Кому из нас не известен тот факт, что многие, очень многие люди, прежде чем переступить порог храма и выплакаться у Распятия или на исповеди, обошли десятки сект, пропустили через себя тонны религиозной литературы и макулатуры? Факт слишком известный, но мало осознанный. Не от глупости и не от легкомыслия люди занимаются дыхательной гимнастикой, сидя в странных позах, мучают себя диетами и голоданиями, читают мудреные книги и с тоской смотрят на Восток, воображая рериховские пейзажи. Душа человеческая взыскует глубины. Церковь представляется ей погрязшей в обряде и сухом морализме. Чтобы Церковь и истина в сознании человека сблизились, чтобы человек смог повторить слова апостола Павла о том, что «Церковь есть столп и утверждение истины», нужно пройти немалый путь. Пока путь не пройден, церковная жизнь кажется банальной. А истина банальной быть не может. Вот и мечется душа. Вот и пробует себя то в оккультных практиках, то в опытах по раскрытию в себе глубинных сил и способностей. Все это, по сути, скитания блудного сына «на стране далече», все это – духовный голод, заставляющий пасти свиней и питаться их рожками.

Они вернутся. Нужно верить в это. Этого нужно хотеть и об этом молиться. Боже сохрани принять на себя образ старшего брата из притчи, который не искал младшего, не скучал по нем, а когда тот пришел, не порадовался и даже начал упрекать отца. Отец ждет и любит. Блудный сын кается. И только старший брат зловеще темнеет на заднем плане притчи. Иногда блудный сын и не идет домой только из страха перед упреками старшего брата.

Человека нужно иногда поругать, человека можно смирять. Но для начала человека нужно учить. Если же он, утомленный духовными скитаниями, пришел сам, то ни учить, ни ругать его сразу не надо. Нужно радоваться о нем, ибо он «мертв был и ожил; пропадал и нашелся». Мистические глубины Востока обманут своей пустотой, и годы, потраченные на медитации, окажутся годами, прожитыми зря. Тогда люди придут в храм. Они придут голодные, истосковавшиеся по слову Божиему и по молитве, жаждущие святого причащения. Если мы находимся в числе исповедников истины, то мы должны ждать этих людей, выглядывать их с порогов наших храмов. Не возвращаются, не идут ли? И это – минимум нашей ответственности, не говоря уже о том, что и помочь надо, и руку протянуть.

Вернутся и протестанты. Пусть не все, но многие. Они ведь в большинстве своем и крещены в детстве, да и в протестантстве очутились только оттого, что кто-то другой, а не православный священник впервые открыл перед ними Евангелие. Они вернутся, и мы будем считать, что в тех, прежних общинах они проходили углубленный курс по изучению Священного Писания. Таков был Промысл Божий. Так и запишем. Все это происходит уже сегодня, но не так массово, чтобы заметно

было обывательскому, незаинтересованному взгляду. Со временем же, по воле Воскресшего из мертвых, этот процесс станет заметен большинству людей и у нас, и за рубежом.

Человек со временем теряет жизненные силы. И все человечество как единый организм постепенно истощается и слабеет. Оно увеличивается в количестве и обрастает техникой, но все же чахнет. Так вот, несмотря на это общечеловеческое истощание, нас может ожидать период, очень похожий на сказанное в Откровении: «Вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего» (Откр. 3: 8).

Наша Церковь будет содержать со временем в своих недрах множество христиан, прошедших через мыслимые и немыслимые духовные соблазны. Этих христиан уже никто и ничем не соблазнит. Они будут способны к всемирному свидетельству. Я не фантазирую, но говорю о том, что вполне возможно, о том, что я лично предчувствую.

Ну, а до тех пор нужно спорить, проповедовать, читать, говорить. Нужно подниматься, если упал, и будить друга, если тот уснул. Нужно пройти сквозь эпоху религиозных шатаний так, чтобы на выходе опять называться по праву Святой Русью.

Одно только стоит добавить: священство к этим процессам должно быть готово лучше всех и раньше всех.

Инкультурация

Если вдруг придется проповедовать в чужой стране, то мало будет овладеть языком. Нужно будет полюбить людей этой страны. Придется вначале просто пожить среди них. Молча. Нужно будет понять, над какими шутками они смеются, и над чем смеяться у них категорически запрещено. Нужно будет вслушаться в мелодии их плачевных песен, тех самых, что поются на похоронах. Нельзя будет обойти вниманием и другие песни, те, что поются на свадьбах. Придется всмотреться в глаза тамошних стариков, сидя у костра по вечерам и слушая вместе со всеми их рассказы о прежних временах. На все это уйдет немало времени. На одно только изучение языка уйдут годы. То, что апостолам давалось даром и сразу, нам нужно приобретать долго и с трудом. Впрочем, апостолов ждала неминуемая смерть мучеников, а мы надеемся умереть в своей постели на руках родственников или заботливой сиделки. Может здесь и скрывается причина того, что мы с трудом получаем крохи, а апостолы без особого труда получали целые ломти? Но как бы то ни было, язык – не главное.

Главное сродниться с теми, кто получит от тебя, вернее, через тебя, пищу бессмертия. На умном языке это называется "инкультурация". Она нужна везде. Если пришлось священнику тянуть лямку пастыря в ВДВ, то придется ему разделить многие "тяготы и лишения военной службы". Зато когда он пробежит с бойцами кросс, прыгнет разок с парашютом, похлебает каши из общего котла, бойцы со временем скажут: "Батя – наш человек. Говори, отец. Чего там у тебя? Мы слушаем".

Это – инкультурация в субкультуру. Она специфическая в случае с военными, медиками, преподавателями, шахтерами, геологами. И она, конечно же, необходима в случае встречи с культурой иного народа.

Западная спесь столетиями прививала миссионерам предвзятость и высокомерие. Они шли к язычникам нередко, как к говорящим животным, чтобы превратить их в людей. На самом деле мы всегда идем к людям, у которых есть всегда какие-то нравственные нормы и понятия. Иногда они могут удивить миссионера высотой своих нравов. У них есть поэзия? Потрудись ознакомиться с ней. Ведь в ней пропела и выразила себя душа народа, который ты хочешь облагородить Христовой верой. У них есть предания о героях, эпос, легенды? Познакомься с ними, поскольку в них, как в зеркале, увидишь нравственный облик народа, его духовный портрет.

В общем, долгое время молчания ожидает успешного в будущем миссионера. Долгое время молчаливого жевания местного хлеба, заработанного вместе с туземцами. Потом они сами скажут: "Расскажи нам о своей Родине. Как у вас молятся? Какому Богу? Какими словами?" И это будет Самим Богом благословенный момент для первой настоящей проповеди.

Города

Наш христианский мир никогда не был до конца христианским. Есть только один до конца, до донца, до капельки христианский город. Это тот, в основании которого – двенадцать апостолов, а ворота – из цельных жемчужин. Его стены измерил любимый ученик Воскресшего Господа. Солнца и Луны там нет, а светильник его – Агнец. В этот город не войдет ничто нечистое. Именно он и есть – сообщество спасенных, город беспримесного христианства.

Вдохновленные описанием этого видения, люди неоднократно пытались построить и создать на Земле максимально близкую копию этого города. Успехи бывали разными, от полных провалов до узнаваемых подобий. Теперь же большинство городов планеты, кажется, решили соревноваться в том, кто из них менее всего похож на Небесный Град. Сходные черты или стыдливо прикрываются рекламными щитами, или с остервенением вымарываются масляной краской. Но это не должно нас пугать. Город, как был, так и остался главным местом евангельской проповеди. Павел шел в Антиохию и Петр стремился в Рим, не взирая на то, что там были амфитеатры, лавки ростовщиков, роскошь власть имущих, толпы блудниц и праздного люда. Наоборот, именно этот факт и влек апостолов в города. Утомившиеся от разврата, издергавшие нервную систему в поисках удовольствий, жители городов лучше хитрых и неторопливых крестьян реагировали на проповедь. Сбитые в кучу, оглохшие от вечного уличного шума, горожане больше кого бы то ни было жаждали, чтобы к ним отнеслись, как к личности, как к человеку любимому и неповторимому.

В наше время ситуация должна повториться. Нас не должны пугать смог, уличная толчея, сырая тень, отброшенная небоскребами. Там живут люди, истомившиеся без благодати. У этих людей есть иллюзия знакомства с христианством, но она улетучится от первой услышанной, увиденной православной Литургии или проповеди. Христос предстанет перед их взором, как Долгожданный Незнакомец, как Тот, о Ком слышали, но Чьей благодати еще не ощущали. Для этого нужно иметь в себе часть некую апостольского огня. В ровную меру этой части задача будет и пониматься, и исполняться. Это не дерзость и не харизматические мечты. Это – вызов Телу Церкви и причастникам благодати. Это – индикатор принадлежности к Единой Святой и Апостольской Церкви. Нет желания благовествовать жителям Москвы и Токио так, как Павел благовествовал рабам и гражданам Вечного Города, значит и принадлежность к Церкви, начавшейся от Апостолов сомнительна.

Не надо бояться городов. Надо бояться своих похотей, глупости и гордости. Павел был должен и ученым, и невеждам. Православие сегодня должно и жителям Рио, и жителям Нью-Йорка. Они ведь тоже по замыслу должны оказаться в том городе, где нет болезней, печали и воздыхания.

Простые вещи

Проповеднику часто кажется, что простые вещи, элементарные положения вероучения людям понятны. А значит нужно нырять в глубину и доставать оттуда сокровища, т.е. искать и раскрывать сложные темы. Но это – ошибка.

Темы простые, элементарные сплошь и рядом непонятны. Всезнайство в области различных наук, усложнение социального общежития ознаменовались бытовой дикостью в вопросах религии. Поэтому пастырь обречен на повторение банальностей. Банальностей, которые, вместе с тем, похожи на открытие Америки.

Апостол Павел в послании к Евреям сетовал на то, что по возрасту им давно пора быть учителями других, а он вынужден говорить с ними о началах веры и об обращении от мертвых дел к Богу Живому. Нечто подобное происходит и с нами. Уже все великое в истории было. И великая аскеза, и богословские взлеты, и страдания за веру, и извлечение сотен смыслов из каждой черточки в Писании. Но нам опять предлежит, оставив на время исихазм и столпничество, говорить о том, Бог есть и будет Страшный Суд. Нужно говорить о том, что поиск незыблемого счастья в этом мире есть обманчивая мечта, что мир испортился вместе с человеком из-за греха, что вместо того, чтобы стать всецелым раем, мир стал всецелым исправительно-трудовым лагерем. После того, как воскрес Христос, смерть для верующего стала амнистией и выходом на волю. А до этого дня освобождения нужно с жалостью и состраданием относиться к таким же, как ты, узникам, делать добро ради Христа, а не для возврата или похвалы и запасаться терпением. Еще молиться надо. Понемножку, но часто. Молиться, но не замаливаться.

И не надо пускаться в сложности. С упорством человека, кое-кому могущего показаться ограниченным, нужно ежедневно говорить простые вещи на простом языке. Это нам они кажутся банальностями. Людям, сплошь и рядом, они – открытие Америки.

Тяжелый труд

Мастерство не может существовать без ежедневного упражнения. Ежедневный тяжелый труд по развитию мастерства всегда сопряжен с самоотречением, самопожертвованием. Уже не себе принадлежит музыкант, по шесть часов в день, а то и больше, терзающий скрипку. Его занятия трудно назвать работой. Это скорее служение. Не будем хмуриться и бурчать, что к этим трудам подмешано тщеславие, гордыня и т.д. В мире людей тщеславие подмешано ко всему вообще. Но мы обратим лучше внимательный взор на этот пот и нервное напряжение, на этот труд затворника, продолжающийся годами.

Жалкие десятки или сотни часов проводит на сцене во фраке музыкант за всю жизнь. Зато в долгие годы суммируются часы, проведенные вдали от чужих глаз, наедине с инструментом и партитурой. Я говорю это не в целях пропаганды искусства. Вернее, не только в этих целях. Мне хочется лишь сказать, что если репетиции заменить на домашнюю молитву, на чтение и размышление, а концерт – на общение с паствой с кафедры, то там, где в музыке мы видим Ойстраха, на кафедре увидим Златоуста.

Люди нас не слушают. Люди к нам не идут. Они до конца онечестивились? А может, с нами что-то не так? Может, мы хотим жать там, где не сеяли; срезать гроздья там, где не окапывали лозу? Для явного успеха нужен тяжелый тайный труд. Иначе музыкант сможет быть только тапером в немом кино или баянистом на свадьбе, что тоже неплохо, но искусством не является.

Апостол Павел сравнивал духовный труд с усилиями атлета. Говорил "не бейте воздух" и "бегите, чтобы получить венок нетленный" А каждый житель тех времен знал, сколько пота проливает атлет на тренировках. Образ прозрачен и параллель очевидна.

Офицер красив в парадной форме, но за спиной у него грязь учений и пот тренировок. Спортсмен красив на подиуме при награждении, со слезами на глазах от звуков гимна. А за спиной у него – целая жизнь, проведенная в спортзале, порванные мышцы, преодоление страха, сборы, переезды. Про музыкантов мы уже говорили. Можем сказать об ученом или о художнике. С какой стати за священником, желающим привести к вере во Христа многие души, не должно стоять ничего, кроме образования в семинарии?

Сокровища

У Церкви много сокровищ. Мы вправе ими гордиться, но не тогда, когда сокровища сложены в сундуке, а мы сидим на нем, толком не зная всего, что находится внутри. Нужно раскрыть и перебрать сокровища, нужно начать ими пользоваться. Тогда можно будет немножко и погордиться, за Церковь, а не за себя, поскольку сокровища накоплены и сотворены лично не нами.
Вот, к примеру, одно из сокровищ. Называется "возвращение Символа"

Епископ собирает людей, хотящих креститься, и объясняет им Символ веры. Тот самый, который им потом предстоит осмысленно произнести на Крещении. Епископ говорит – они следят по тексту. Они спрашивают – епископ отвечает. В таких занятиях проходит несколько вечеров. Затем люди, готовящиеся к Крещению, собираются вместе перед лицом епископа и "отдают" Символ. Это значит, что они произносят его вслух и отвечают на вопросы владыки. Что значит "прежде всех век"? Как понимать: "воскресшего согласно с Писаниями"? Когда епископ видит, что смысл Символа усвоен, он может обратиться к молитве. Вскоре оглашенным придется "вернуть" ему молитву "Отче наш".

Это так просто и так необходимо, но именно это простое и необходимое напрочь отсутствует в повседневности. Сложности могут возникнуть только с нехваткой времени и множеством оглашенных. Тогда владыка должен делегировать свою власть и часть трудов пресвитерам, способным эти труды понести. Больше трудностей быть не должно. И мы непременно вернемся к древней практике, к древним сокровищам.

Не захотим вернуться добровольно и сейчас, будем вынуждены вернуться тогда, когда растеряем большую часть паствы. Во многих епархиях, например в Польше, епископы лично ездят на уроки

Закона Божия в сельские школы, где его ждут пять-шесть детей. Им это не зазорно. Никто не скажет, что, мол, "не царское это дело". Там каждая душа на счету, все важны, все – в памяти. Где паствы мало, там людьми не разбрасываются. Но лучше, все же, вернуться к сокровищам Предания раньше, то есть до обвального и катастрофического ухода людей из Церкви. Этот уход будет неизбежен, если мы в виде главной жизненной задачи примем реставрацию дореволюционных ошибок и не вынесем никакого опыта из советской эпохи, то есть не поймем причин ее появления.

Незыблемый фундамент веры

Факт воскресения Христа из мертвых – вот незыблемый фундамент веры Церкви и жизни Церкви. Рассказ евангелистов о Воскресении Спасителя разделен на одиннадцать зачал, читаемых в течение года на воскресном всенощном бдении. И именно эта главнейшая часть Нового Завета остается не истолкованной, необъясненной, поскольку у нас нет традиции произносить проповеди на Всенощной службе.

«Писание – это не то, что читается, а то, что понимается», – сказали древние. Понимание приходит только после проповеди в молитвенном собрании, после изъяснения и толкования. Необходимо ввести проповедь в вечернюю службу накануне воскресения, когда читается о победе Христа над смертью. Не нужно никаких циркуляров, приказов и окружных посланий. Нужна одна лишь только тревога пастыря о пастве; одно лишь только желание поделиться радостью о Христе; одно лишь только стремление утопить в Чуде воскресения фараоново войско земных печалей. Больше ничего не надо. Все остальные права у священника есть.

Пасху Церковь празднует каждое воскресенье, то есть 52 раза в году, и, значит, нет никакого смысла лишать человеческие души еженедельной проповеди о Воскресшем Иисусе. Лучше на вечерне, сразу после прочитанного Слова.

Прекрасная традиция

Есть традиция читать Пасхальное зачало – пролог Евангелия от Иоанна – на разных языках во время Литургии. Это прекрасная традиция! Звуки греческого, латинского, арабского и других языков позволяют ощутить дыхание Духа Божия, вдохновившего апостолов на вселенскую проповедь. Живые слова на всех наречиях! Это же часть того сошедшего с небес огня, о котором Христос, живя на земле, говорил, что хотел бы, чтобы он уже возгорелся. Стоит подумать о том, чтобы вывести эту традицию за рамки Пасхальной ночи и ввести, хотя бы, в праздник Пятидесятницы.

Именно Пятидесятнице мы обязаны звучанию проповеди на всех земных языках. Возможно, что именно с того зачала из Деяний, где говорится о сошествии Духа и разноязычной проповеди, и стоит вводить в богослужение, хотя бы изредка, чтение и пение текстов на разных языках.

В наших городах учатся вьетнамцы и китайцы, персы и арабы. Многие из них посещают наши храмы, вначале из любопытства, затем – обратившись в христианство. Дадим им в руки Писание на их языке. Пусть они прочтут, а мы услышим. Наша душа поймет в это время, что христианство – не только русская или греческая вера. А они, быть может, прослезятся, ощутив себя вдвойне на Родине: через родной язык – на земной родине, а через Слово Божие – в Доме Отца.

Утраченное нами

Синаксарий мясопустной субботы очень интересно объясняет поминание усопших в третий, девятый и сороковой день. В третий день, говорится там, после зачатия начинает пульсировать сердце. В девятый – появляется оформленный образ, и в сороковой – уже виден человек.

При смерти же происходят обратные процессы. В третий день изменяется вид. В девятый – разлагается телесный состав, но остается сердце. В сороковой – разлагается и само сердце. Ну а поскольку человек – это не тело отдельно и не душа отдельно, а тело и душа вместе, то происходящее

с телом влияет на душу, и – наоборот. Заметные этапы в процессах, относительно тела, неизбежно отражаются синхронно на душе. И в эти дни нужна молитва.

Мне интересен этот текст с той точки зрения, что современная наука, со всеми хитростями и премудростями изучающая человека, подтверждает наличие этих этапов формирования и разложения телесного состава. Но у науки есть лазер, ультразвук и еще много всяких разностей. Откуда у древних были такие точные знания? Получается, что современная цивилизация много мучается и трудится, а в итоге лишь экспериментально подтверждает то, что было известно тысячу лет назад. Очевидно, что у древних были иные источники знаний. Очевидно, что нынешняя цивилизация идет по направлению к глухому тупику.

Или еще пример. Знатоки Закона подсчитали, что всего в Танахе 613 заповедей. Из них 365 – повелительные, и их количество соответствует количеству дней в году. Оставшиеся 248 – запретительные, и их число равно числу костей в теле человека. Так считали знатоки Закона. Откуда они знали количество костей в человеческом теле, если под строгим запретом были любые манипуляции с трупами, т.е. всякая теоретическая и практическая анатомия? А ведь по числам все сходится, если не считать те малые косточки, которые обнаруживаются лишь при помощи современной техники.

У древних было что-то, утраченное нами. А наша пластмассово-бетонная цивилизация летит, как паровоз, в сторону пропасти, и, что самое жуткое, миллионы слепцов этой цивилизацией гордятся.

Предтеча молитвы

В Библии есть книги, ни разу не упоминающие и не называющие Бога. Это "Есфирь" и самый драгоценный камень в библейском венце – Песня песней. Этот факт говорит очень о многом, и, в частности, о том, что и Бога можно проповедовать, и тайны открывать, и от гибели спасаться верой, нарочно не называя вещи своими именами.

Западный подход: забрало поднято, точки над "i" расставлены, акцент – на полное усвоение информации.

Восточный подход: притча. Говорим о зерне и рыбе, имеем в виду Царствие Небесное. Во-первых, миры взаимно проникают друг в друга, и, поняв одно, ощутишь другое. Во-вторых, слышат все, но понимают лишь те, кто кроме обычных ушей имеет еще и слышащее сердце. Бисер перед свиньями не мечется.

Слово о вере необходимо. Но есть и невербальная проповедь. Разве колокол не благовествует? Благовествует, да еще как смиренно! Имя Божие не названо, а душу позвали молиться! Разве птицы, по утрам начиная петь, не служат птичью полунощницу? Да и вся природа разве есть что иное, как непрестанный шепот о Творце и указующий перст на Него?

Шмеман в "Дневнике" прозорливо обмолвился о том, что богословию должно быть по пути с поэтами и философами, а мы, вместо этого, подружились с кабинетной наукой. Там, где ученый пишет пространное введение, затем раскрывает тему на сотне страниц, формулирует важные выводы и добавляет в конце справку об использованной литературе, поэт говорит одну минуту. Внутренних усилий поэт затратил не меньше, чем ученый, но он их утаил и просто поделился результатом. Для физики лучше первый путь. Для богословия – второй. Кроме того, современная наука и промышленное производство есть не везде и были не всегда. А поэзия есть везде и всегда, где есть человек. Раз Евангелие должно быть возвещено всем людям, значит поэзия нам важнее и ближе.

И вовсе не обязательно писать стихи о Боге. Как раз наоборот, лучше не писать о Нем открыто, но писать так, чтобы захотелось выучить стихотворение и часто цитировать его по памяти в одиночестве. Такое занятие – предтеча молитвы.

Диалоги

Все виды речевой активности сводятся к диалогу. Если нет того, кто услышит и поймет, поймет и ответит, то говорить ни к чему. Есть простейшие и понятнейшие диалоги, вроде:

– Сосиски свежие?

– Утром завезли.

– Взвесьте мне килограммчик.

– Вам охотничьих или любительских?
– Любительских.
– Двести рублей. Следующий.

Таких диалогов, в которых собеседники стоят лицом к лицу, слышат и понимают друг друга, множество. Из них состоит повседневность.

Но есть и более сложные формы диалога. Например, писателя и читателя. Они оба – участники сложнейшего коммуникационного процесса, хотя разделены и временем, и расстоянием. Еще один вид "усложненного" диалога – диалог между Богом и человеком.

Этот диалог осложнен тем, что один из его участников – Бог – не виден глазу и, чтобы вступить в общение с Ним, человеку нужна вера и благодать. Но у этого диалога есть преимущества. Человек всегда будет понят, понят гораздо глубже, чем сам того хочет. И ответы он будет получать, исходя не из того, что сказали уста, а из того, что шевелится в сердце, на самом донышке.

Ответы будут двояки. Первые ответы – слова Писания. "Молясь, мы разговариваем с Богом, читая Писание, слушаем, что Он говорит нам" Это классическая сентенция Августина Блаженного. Она жива, и ею нужно пользоваться. Вторые ответы – обстоятельства жизни. Птица не пропоет, цветок не завянет, волос не поседеет без Его воли. И вот мы просим у Него нечто, а Он отвечает не словом, а делом. Сегодня просили смирения – завтра нас обругают. Завтра попросим терпения – через неделю заболеем. Нужно учиться не роптать, а прослеживать взаимосвязь между нашими просьбами и Божиими ответами. Ведь Он отвечает нам, как уже сказано, не столько на движения уст, сколько на скрытые движения сердца.

Конечно, есть и такой диалог: "Помоги!" – пришла помощь. "Исцели!" – пришло исцеление. "Избавь!" – пришло избавление. Это самый желательный вид диалога. Его мы жаждем, и он, слава Богу, происходит. Но это не единственный его вид. И мы обязаны знать, что и молчание Бога, и Его ответы, кажущиеся нам "странными", – это тоже ответы. Причем, самые лучшие.

Ну и последнее. Церковные службы невозможны без диалогов. Нельзя венчать пару, если мы их не спросили, имеют ли они благое и непринужденное желание быть вместе, а они не ответили, что имеют. Нельзя крестить человека, если он не отрекся от диавола и на вопрос, сочетается ли он Христу, не ответил, что сочетается.

А уж в Литургии хорошо бы забрать у хора и отдать людям диалог со священником. Священник: Мир всем!

Люди (синхронно, хором): И духови твоему. Священник: Главы ваши Господеви приклоните. Люди: Тебе, Господи.

Священник читает молитву и заканчивает ее возгласом: … во веки веков! Люди: Аминь.

Миссионерский компонент

Свой миссионерский компонент есть у каждой требы. Например, освящение квартиры. Ведь можно взять уже освященную воду, прочесть молитву, окропить, выпить рюмочку и сказать: "С Богом оставайтесь". А можно отслужить полностью малое водосвятие, превратить на полчаса жилище в храм, продлить молитву. Обязательно сказать слово. Для этого нужно иметь две-три заготовки на разные случаи. Один из эпизодов жития Василия блаженного подходит как нельзя лучше.

Творя различные странности, Василий, среди прочего, бросал в некоторые дома грязь и камни, а у некоторых домов, опустившись на колени, целовал стены. Люди присмотрелись к этим домам и удивились. Грязь летела туда, где жили скромно и праведно. А политы слезами и обцелованы были стены домов, где жили пьяницы, злодеи, развратники. Василий блаженный видел ангельский мир. Он видел, как вокруг домов, где живут праведные люди, рыщут демоны, но внутрь войти не могут. Там, внутри – светлые Ангелы. В бесов, которые снаружи, метал камни Василий. Наоборот, там, где в жилищах угнездился грех, там демоны нашли приют рядом с людьми. А светлые духи со слезами находятся снаружи. Рядом с ними и вместе с ними молился Христа ради юродивый.

Эта история рассказывается быстро. А рассказав ее, самое время пожелать, чтобы блаженный Василий бросал камни в стены вашего дома, если бы он, или подобный ему святой, оказались бы в нашем городе. Другими словами: "Живите чисто, живите праведно, дайте место светлым ангелам находиться рядом с вами".

За стол пригласят – надо согласиться. Люди всегда имеют несколько вопросов к священнику. Имеют, но годами их не задают, поскольку далеко не все рвы между клиром и миром уже засыпаны. Пока человек придет в храм, пока дождется к себе внимания, могут действительно пройти годы. Но у себя дома он чувствует себя комфортно и защищено. Ему легче раскрыться. Тогда-то и происходят, зачастую, долгожданные и серьезные разговоры о "едином на потребу".

По-разному, конечно, бывает. И из некоторых жилищ сразу после освящения хочется вылететь пулей. В некоторых не хочется ни пить, ни есть, ни разговаривать. Но из десяти освящений одно-два всегда имеют шанс стать миссионерскими.

Пять скудных хлебов

Религиозность неистребима уже только по причине смертности. "Боль жизни всегда сильнее, чем интерес к жизни, – говорил Розанов и добавлял, – поэтому религия всегда будет сильней философии". Со смертью связаны слезы и страх, еще – омертвение и безразличие ко всему суетному, что творится под солнцем. Мир этот блекнет в глазах того, кто столкнулся со смертью, мир тот становится ощутим, реален. Даже те, кто не умеет или не хочет молиться, при встрече со смертью нуждаются в обряде и ритуале. Поэтому даже в худшие свои времена Церковь продолжала жить, пусть и в режиме похоронной команды.

Это горькие слова, но и в них есть позитив. Пусть на некоем приходе N долгими месяцами нет ни венчаний, ни крестин. Пусть главной требой остаются похороны и панихида, все равно у священника остается возможность воздействия на человеческие души. Лишь бы священник не устал, не отчаялся, не опустил руки. Ведь нужно отучить людей пьянствовать на поминках. Нужно научить их вслух и вместе читать Трисвятое по Отче наш. Людям очень важно не только слушать молитву клириков, но и себя самого слышать. Слышать свой голос, читающий молитвы Богу. Так обучал вере бесхитростных алеутов Герман Аляскинский. Так поступал Макарий Алтайский и другие миссионеры. Так нужно поступать и нам, поскольку человек сегодня зачастую – такой же дикарь в вопросах веры, как и представители тех племен, к которым приходили миссионеры.

Заупокойное богослужение наше очень красиво. Оно само, даже без проповеди, проповедует вечную жизнь, покаяние и надежду на имя Иисуса Христа. Хотя, конечно, нужна и проповедь. По главному смыслу заупокойная молитва это – просьба Церкви об упокоении и помиловании души усопшего. Но у этой молитвы есть и побочная цель, иногда вырастающая до размеров главной. Эта цель – воздействие на живущих, возможность напомнить им о главных смыслах жизни. О том, что смерть – не стена, но дверь; что в ней есть расставание, но есть и встреча. Расставание с землей и всем, что на ней, а встреча – с Воскресшим из мертвых Господом Иисусом Христом. О том, что главный враг человека – его грехи. Именно грехи отравляют временную жизнь и не позволяют войти в вечную радость. О том, что усопшие уже ушли, а мы еще остаемся. Но остаемся не навсегда, а лишь до времени. О том, что у Бога "нет мертвых" и наши отошедшие отсюда сродники ждут молитвы. Таких смыслов внутри погребения и панихиды – сотни. Нужно только не молчать. Нужно взять те скудных пять хлебов, начать разламывать и раздавать народу. Откуда что появится! Хлебы умножатся, народ наестся и короба будут полны остатков. Нужно только, повторяю, не испугавшись изначальной скудости, начать разламывать хлебы и раздавать народу.

Хвала и покаяние

Скажут: идем в Церковь хвалить Бога! Эти слова подобны музыке, и Бога, воистину, надо хвалить. Есть и второй призыв, не менее важный: идем в Церковь каяться в грехах!

Отнимите от Церкви один из этих призывов, и вы вынете из Нее душу. Плохо будет и если в церкви будут, забыв о хвале, только плакать о грехах; и если будут только хвалить, закрыв глаза на свои беззакония.

Истинная хвала перетекает в покаяние, и истинное покаяние заканчивается хвалой. Они нерасторжимы. "Хвалим Тя, благословим Тя, кланяемся Ти, славословим Тя", – говорится в Великом славословии. Но уже к концу этого гимна слышим: "исцели душу мою, яко согреших Тебе".

"Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей", – начинает Давид. Но к концу псалма тон его молитвы меняется: "Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою".

Помним ли мы это? Если да, то мы блаженны. У птицы нашей молитвы здоровы оба крыла. Если же забываем, если допускаем в молитве перекос, то либо рискуем убить душу печалью, либо соскользнем в опаснейшее протестантское благодушие. Но истинная хвала напомнит о покаянии, а истинное покаяние названо "радостотворным", т.е. рождающим и приносящим радость о Господе.

Когда "совершены были небо и земля и все воинство их" (Быт. 2:1) мир еще был не полон. Красив был и безгрешен, но неполон. Красота мира доводится до полноты молящимся человеком. Нужно, чтобы небо и землю со всем воинством их человек позвал на молитву.

"Хвалите Его все Ангелы Его… Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его все звезды света. Хвалите Его огонь и град, снег и туман,… горы и все холмы, древа плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые" (Пс. 148) Последние псалмы словно дописывают книгу Бытия.

Лишь когда этот голос молящегося человека раздастся, а мир на него отреагирует, Вселенная станет полна. Она станет не только домом, но и храмом, построенным и освященным.

Одно только мешает чистой хвале. Грех. Именно поэтому, созерцая природу, Давид говорит: "Да исчезнут грешницы от земли" (Пс. 103).

Миру нужна хвала, чтобы мир жил, а человеку нужна борьба с грехом и покаяние, чтобы хвала была чистой и нелицемерной.
"Жертва хвалы прославит Мя и ту путь, имже явлю спасение Мое" (Пс. 49).

Когда причащаются другие

Мы не все причащаемся за каждой службой. Даст Бог, доживем до тех времен, когда после слов священника "со страхом Божиим и верою приступите" к Чаше будет идти подавляющее большинство молящихся. Но и тогда останется кто-то не могущий причаститься по состоянию здоровья, или удержанный епитимьей, или по другой причине. О чем думать и о чем молиться человеку, который не причащается сейчас сам, но видит других братьев и сестер, со скрещенными на груди руками приближающихся к причащению?

Во-первых, стоит радоваться о людях, причащающихся Христу. Нужно молиться о них, да будет им причастие Святых Таин не в суд и не в осуждение, но в умножение веры, в исцеление души и тела, во всецелое освящение. Молиться о себе – всегдашняя обязанность, равная обязанности всегда дышать. Но молиться о других – дело любви, и нужно чаще расширять свое сердце, вмещая в него чужие нужды.

Во-вторых, глядя на других, невольно вспомнишь и о себе. Вспомнишь и попросишь о том, чтобы Господь "не лишил и меня причащения Святых Тайн". Попросишь о том, чтобы причащаться достойно и неосужденно, точно так, как говорит священник: "со страхом Божиим и верою". Это будет истинное приготовление к Причастию. Ведь "приготовиться" не значит только перед службой вычитывать положенные молитвы. Готов тот, кто часто думает о достойном причащении Христу, хочет этого единства, молится о нем чаще, чем того требует дисциплина церковная.

В-третьих, у каждого из нас есть люди, которые нашему сердцу дороги, но в самом главном – в вере, с нами не согласны. Если они не крещены, то мы молимся о них на ектении "об оглашенных". Но если они крещены, но не воцерковлены, самое время молиться о них во время причащения. "И их призови, Владыко. И их сподоби напитаться бессмертной пищей. И к их сердцам прикоснись, да будем вместе – они и мы – перед Лицом Твоим".

Эти и другие подобные молитвы пусть рвутся к Небу в то время, как хор поет "Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите".

Надо ли напоминать, что время причащения, даже если вы лично не причащаетесь, не есть время выхода из храма или хождений внутри него, не есть время разговоров или прочих праздных занятий?

Небо отверсто! Христос питает Своей Плотью и Кровью верных! Совершается пиршество веры и таинственное очищение любезных Господу душ!

Это – время внимательной и горячей молитвы как для тех, кто приближается к Чаше, так и для тех, кто почему-то сегодня лишен приобщения.

"Примите, ядите"

Если Бог говорит: "иди", то лукавый обязательно скажет: "стой". Если Бог говорит: "молчи", то враг нашего спасения будет непременно раззадоривать на словоохотливость. Он – обезьяна, он – кривляка, он действует от противного.

В Раю Господь сказал, чтобы люди не ели от дерева познания. А злой хитрец сказал: "съешьте". Христос говорит: "ешьте", "пейте все", а злой хитрец говорит: "не ешьте", "вы недостойны", "нужно долго и сложно готовиться".

Так он действует всегда. Но горе в том, что мы впитали его образ мыслей и отгоняем людей от Чаши на основании мыслей и теорий сомнительных.

Пригласите к себе в гости друзей, накройте роскошный стол. А теперь представьте, что гости пришли, скромно сели на краешке стула, опустив глаза в пол, немножко поговорили с хозяином. Затем встали и ушли. Ничего не съели, не выпили. Ни одного тоста не произнесли, ни одной песни не пропели. Что это, как не великая обида хозяину?!

Бог нам еженедельно накрывает стол, приглашает на пиршество, говорит: "Примите, ядите". А мы приходим в храм пустые и уходим пустые. Как будто у нас нет грехов. Как будто нас не касаются слова: "Сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов".

И ладно бы священники звали, а люди не шли. Так нет. Люди шли бы, да священники отгоняют. "Ты не готов". "Ты недавно причащался", и прочие безумные глаголы.

Болезнь не нова. Это – средневековая католическая язва, по привычке считающаяся образцом православного благочестия. Она вошла в ткани Церковного Тела много столетий назад и за год ее не выгонишь. Но выгонять надо, медленно и постепенно. Ведь мы даже не подозреваем, что творится в глубине нашего сердца. Это истинный хаос и адская бездна. Навести там порядок человеческими усилиями невозможно. Нужно позволить Христу, однажды сходившему в ад, сойти в нашу собственную сердечную бездну, чтобы навести там порядок. Иначе мы обречены страдать от неуемных движений собственного развратного сердца. Так лава извергается из ожившего вулкана и с этим бесполезно бороться.

Не во всем я согласен со Шмеманом. Но один его тезис согласен вывесить, как баннер, на каждом перекрестке. Он сказал, что революция в России была бы невозможна, если бы люди не были ложными обычаями отлучены от Чаши, если бы люди причащались часто.

Спасаться спасая

Священник может спасаться, только спасая. Отшельник бежит от всех, чтобы найти Единого. Священник от всех бежать не может, не имеет права. Он может спастись, лишь помогая спасаться многим. Поэтому он не имеет права молчать. "Отверзу уста моя и наполнятся Духа", – это не только ирмос Богородичного канона. Это священническое кредо.

Обращаясь к другим, священник обращается и к себе самому. Не сверху вниз, как больший – меньшим, а лицом к лицу, как брат – братьям.

Древний Патерик рассказывает об одном подвижнике, который, побежденный бурей бесами приносимых помыслов, решил уйти из пустыни и поселиться в миру. По дороге он стал гостем одной из обителей, где его знали как раба Божьего, молящегося в одиночестве в пустыне. Ему омыли ноги, с ним преломили хлеб, его попросили сказать братьям слово в утешение. Подвижник стал говорить о терпении, с которым нужно переносить козни и нападения врага, о любви к Богу, о краткости земной жизни, о будущих венцах и наградах. Монахи сидели вокруг него на земле, как дети вокруг отца, и на их глазах блестели слезы духовного утешения.

Ночью беглец почувствовал укоры совести. "Ты так хорошо говорил им слова правды, – говорил старец сам себе, – Что ж ты себя не учишь? Что ж ты поддался злобе врага? Иди обратно и продолжай труды".

В ту же ночь он вернулся на место прежних подвигов и продолжил молитвенное служение Христу. Так слово, от сердца сказанное другим, спасает и возвращает на правый путь самого говорящего. Каждого священника напрямую касается то, что произошло однажды с этим отшельником.

Величие земное

Христианам Римской империи часто приходилось слышать, что величие Рима было рождено почтением к богам. "Боги сделали Вечный город столицей мира, а вы разрушаете обычаи отцов, подрубаете кони нашего величия. Вы – язва общества", – говорили христианам язычники. Бороться с подобными мнениями – задача тяжелая. Очевидному внешнему могуществу нужно противопоставить единственно возможную альтернативу – глубокий внутренний благодатный опыт. Опыт того, что "Господь воцарися, в лепоту облечеся". Опыт того, что "Христос – единственный истинный Царь", на фоне которого жалок Траян и гнусен Нерон.

Но такой благодатный опыт не может стать достоянием многих в краткое время. Большинство будет строить мировоззрение, опираясь на внешнее величие, на красоту форумов, пышность триумфов, на "хлебе и зрелищах", на мифах и баснях. Люди, пренебрегающие видимой славой, будут казаться смутьянами, разрушителями устоев, врагами рода человеческого. Собственно, так христиан и называли.

Внешнее могущество. Оно, как мираж в пустыне, вырастает перед глазами каждого поколения, соблазняя, отвлекая от цели, сбивая с пути. "Учитель, посмотри какие здания", -– говорили однажды Христу ученики. А Он, вместо восторгов и похвал, ответил: "Аминь говорю вам, не останется здесь камень на камне".

Будет вера, и камни лягут друг на друга, образуя стены святилища. Уменьшится вера – треснут стены и прохудится крыша. Уйдет вера – рухнет храм. Рухнет и задавит собою тех, кто надеялся на твердость камней и осязаемое могущество. Истинное могущество руками не осязается.

Нужно иметь поистине несокрушимую веру, чтобы исповедовать ее перед лицом неудач и поражений. Когда Святая София была завалена трупами и с нее был снят Крест, какую веру нужно было иметь христианам, чтобы не усомниться в Боге! Турки говорили: "Наша вера лучше. Бог дал нам победу". И эти слова были опаснее и острее кривой турецкой сабли. "Бог нас смирил. Мы согрешили. Помилуй нас, Господи! Но Бог не в силе, а в правде. Вы сильнее. Но наша вера – истинная", – отвечали лучшие из оставшихся в живых. Там, где такие слова звучали, проигравшие менялись местами с победителями.

Так и евреи покидали свою землю, уводимые в плен Навуходоносором, неся в груди горечь недоумения. "Неужели Мардук сильнее Господа Саваофа?" Одни колебались в вере. Другие брали на себя вину и, подобно трем отрокам, говорили: "Бог свят и истинен. Мы согрешили, мы и наказываемся" Эти вторые сохранили веру и продолжили Священную историю.

Поражение может превратиться в победу, если вынести из него урок, если потерпеть и покаяться. А величие может стать прелюдией великого краха и неисцельного сокрушения, если, ослепнув от блеска успехов и побед, не замечать за каждым событием жизни Недреманное Око, зорко наблюдающее за каждым шагом человеческим.

За победы и успехи прославим Господа. В поражениях и неудачах увидим горькое лекарство, врачующее гордыню. Но главное – будем помнить о Боге Великом и Всемогущем. Тогда никакое земное величие не обольстит нас своей фальшивой позолотой.

Сила прихода

Разобщенные люди мало на что способны. Напротив, люди сплоченные, организованные могут, если и не горы свернуть, то сделать очень много. В истории всегда хватало людей, стремящихся "организовывать" народные массы в корыстных целях. Одна из церковных задач – ради Христа, а не ради корысти, ради одного только выживания даже, организовывать живые приходы, объединенные молитвой, общим делом и руководством приходского духовенства.

Можно начать с простых вещей. Священник перед службой, сразу после часов обращается к прихожанам: "Братья и сестры, в ближайшие дни будет рожать наша прихожанка N. Прошу вас сегодня на службе помолиться об успешном исходе ее первых родов" Дело не хитрое, но великое. Мы настолько погрязли в эгоизме, что даже на "Общее дело" – Литургию, приходим только с личными просьбами и желаниями. Подобные же просьбы священника о молитве рождают любовь и сопереживание. Жизнь в свою очередь не даст заскучать, подбрасывая новые поводы для

молитвенного участия в чужой судьбе. "Муж ушел". "Дети заболели". "Работу нужно искать". Причем совместная молитва людей, часто, если не всегда, будет рождать ответы в виде чуда. Дети выздоровеют. Муж образумится. Работа найдется. Люди почувствуют, что молитва влияет на мир. Это не пустой обряд, но рычаг, о котором мечтал Архимед. Как говорил Паскаль, Бог, Который есть Первопричина бытия, через молитву дает и нам побыть причиной.

Начинать нужно именно с молитвы. И когда она, хоть и с трудом, но потечет, тогда возникнут новые неотложные задачи. Например, вопросы денежные. Сфера вращения денежных знаков, это сфера проверки человека "на вшивость". Тот, кто не знает "таблицы деления", не умеет отдавать, попросту говоря, не может быть христианином в принципе. Это – паразит, равно далекий от всякой морали, в том числе христианской. И дух эпохи именно заключен, как джин в кувшине, в категориях жадности и материальной корысти. Поскольку Церковь состоит не только из спасенных, но и из спасающихся, то есть тех, в ком грех не умер, но действует, все это касается Церкви напрямую. Жадность и зацикленность на материальном внутри Церкви есть Иудин грех. Это даже и не Церковь уже, но темный двойник Ее, и об этом стоит говорить отдельно и обстоятельно. Не сейчас.

Мы все бедные по одиночке. Вместе мы, если и не богаты, то уж точно не бедны. Любой приход, при мудром руководстве пастыря, обладающего авторитетом в глазах паствы, может решать множество житейских вопросов. В складчину можно не только ремонтировать и строить, но и помогать друг другу. Лекарства, квартплата, текущий ремонт, одежда, еда, все это может время от времени приобретаться для нуждающихся силами общины. Никто пусть не считает себя, по нищете, неспособным на милостыню. Неспособный на милостыню обречен быть нищим по жизни до последнего вздоха. Евангельская вдовица с ее двумя лептами – живой упрек всем, не хотящим думать о чужих нуждах.

Златоуст в одном из слов советовал в воскресный день каждому христианину откладывать некую сумму денег, пусть даже самую маленькую. Эти деньги надо считать святыми, и брать из них для себя категорически запрещено в любом случае. Они именно святы, ибо отложены ради Бога для тех, кому хуже, чем тебе. При таком обычае самый бедный человек раз в месяц будет способен на реальную милостыню. И давать он ее будет тому, о ком знает, там нужда реальна. В случае же общественных нужд не нужно будет отрывать что либо от семьи. Деньги уже будут собраны. Все это очевидно до банальности, но в силу незадействованности звучит, как неизреченные глаголы, слышанные Павлом на третьем небе.

Молитва и пришедшие вслед за ней взаимная любовь и сглаживание имущественного неравенства, врачевание житейских ран христианским милосердием, вот что от нас ожидается. Причем эпоха накладывает на жизнь свою особенную печать. Мы привыкли к тому, что раньше кто-то один (Антоний, Серафим, Сергий) достигал реальной святости, и к нему стягивались ученики. Люди тянулись к святым, словно к солнышку – погреться. Возникали обители, возле которых с радостью селились мирские люди. Святость одной души грела тысячи душ, устраивала быт, давала смысл бытию. Нынче многое изменилось.

Если все мы будем ждать или искать реальную, чудотворную святость, чтобы возле ее ног найти покой и смысл жизни, то мы рискуем умереть в состоянии беспокойства и бессмыслицы. Жизнь нашей эпохи придется строить не вокруг столпов святости, а вокруг живых приходов, где центром является Евхаристия, а за ее пределами действует взаимопомощь и братские отношения, возникшие на фундаменте общей веры и молитвы.

От священника святость ожидается. Она желательна. Но начинать надо сегодня, а значит не со святости, которой нет, а с искренности без ханжества и с энергичности без дерзости. Будут шишки и ссадины. Будут падения и восстания. Но "бой идет не ради славы. Ради жизни на Земле". Христианство православное призвано явить миру свой Лик – евхаристичный, деятельный и милосердный одновременно. И пусть никто не отлынивает, поскольку каждому приходу есть, что вложить в общую копилку.

Вслушиваемся в возгласы

Бог многоименит. Каждое Его Имя выражает одну из граней Его отношений к миру и людям. Все это мы слышим в возгласах священника на службе. Такие краткие славословия и молитвы, как

возгласы или прокимны, редко становятся темами размышлений и поучений. Между тем, они бездонны.

Великая, или мирная, ектения и на вечерне, и на утрене, и на Литургии оканчивается всегда одним и тем же возгласом священника: Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Что можно вынести из этих слов? Во-первых, призыв к, насколько возможно, большему прославлению Бога. Он – Царь Славы и полновластный Хозяин мира. Люди, построившие или придумавшие что-то, нередко пользуются огромным почетом и уважением. Бог создал все! "Глубиною мудрости" Он продолжает управлять сотворенным миром. И мы так мало хвалим Его и приносим Ему славу. Между тем, Ему "подобает всякая слава", и больше всего это понятно тем, кого хвалят люди, но кто чувствует себя недостойным похвал. "Хвалить и благодарить нужно Бога", – говорил святитель Лука после удачной операции. "Мы Богу молимся. Бог – наш генерал", – говорил Суворов. Великие успехи давались таким людям потому, что они не приписывали себе удачу, а воздавали "честь и поклонение" Тому, от Которого получили милость. Итак, еще не прозвучал Херувимский призыв "отложить всякое житейское попечение", еще только началась служба, а мы уже слышим призыв принести Богу всякую славу, честь и поклонение.

Собственно, и слово Аминь нельзя произносить небрежно и по привычке. Аминь, это – Имя Христово. В Апокалипсисе говорится: "Так говорит Аминь, Свидетель верный и истинный"

Без этого слова молитва не полна, не закончена. Мы похожи на тех, кто просит, но не верит в то, что получит просимое, если не заканчиваем молитву этим словом. Его нужно произносить так, словно ударяешь печатью по мягкому воску или сургучу, оканчивая и запечатывая важное письмо.

Возглас на Литургии после первого антифона похож по смыслу на возглас после шестой песни на утрене. Там: Ты бо еси Царь мира и Спас душ наших. На Литургии: Яко Твоя Держава, и Твое есть Царство, и сила и слава… И там, и там речь идет о Царстве.

Рай ассоциируется с беззаботностью, безопасностью и невинностью. Счастливое детство более всего похоже на Рай. Но Царство предполагает взрослость. Царство, это – добровольное служение, подчинение, предстояние Царю. Это менее всего спокойная беззаботность. Скорее, это – трезвение и решимость исполнить волю Божию. Ектении нам об этом напоминают.

Напоминание тем более важное, что в повседневной жизни нам кажется, что не Бог правит миром, но жизнь отдана на волю тысяч и миллионов мятущихся человеческих "хочу – не хочу – очень хочу". Замечать, чувствовать волю Божию в повседневной сумятице можно не иначе, как после долгого упражнения и обучения. Литургическая молитва именно готовит нас к тому, чтобы мы вышли в мир, одетые в броню силы и решимости творить волю Бога.

Пожалуй, не стоит ставить перед собою цель разобрать все возгласы. Мы так часто их слышим и произносим, они так часто предлагаются в виде духовной пищи нашему сердцу и уму, что каждый желающий может удобно продолжить этот труд, извлекая для себя пользу. Царевичи во дворцах могут играться драгоценными камнями. Чем мы хуже царевича, если можем, словно рубины и изумруды, перебирать в памяти такие слова: "Благ и Человеколюбец Бог еси", "Под державою Твоею всегда хранимы и Тебе славу воссылаем", "Яко Тя хвалят вся силы Небесные"…

Канон

Среди нашего брата священника есть много тех, что скажут: "Читай каноны", – или спросят: – "Каноны читал?" Но нелегко найти священника, согласного разобрать с человеком смысл канонов, хотя бы некоторых ирмосов. А между тем это дело великое и полезное, отсутствие которого колоссально снижает пользу от чтения и слушания канонов. Но все прекрасное – редко, а все полезное – трудно. Трудность основательного знакомства с канонами заключается в том, что канон есть область тесного взаимодействия трех важнейших и довольно автономных явлений: молитвы, библейской истории и поэзии.

Каноны как форма совместной молитвы родились на основании событий священной истории. Первое событие – переход евреев через Красное море, по дну. Это было великое проявление Божественного всемогущества. Бог явно вмешался в историю людей, не оставляя сомнений в том, что Он не далек и не безразличен к нам, но близок, иногда – страшно близок. Это и прообраз Крещения, при котором враг-фараон гибнет, а человек вступает в область длительного путешествия к обещанному блаженству. Отсюда бесчисленные варианты перепевов этой темы: "Яко по суху

пешествовав Израиль, по бездне стопами…"; "Воду прошед, яко сушу, и египетского зла избежав…" и прочее. Всякий раз, начиная слушать канон на утрене или читать его дома, мы должны вспоминать об этом грандиозном событии мировой истории, которое не имеет право быть забытым.

Второй песни ни в минеях, ни в молитвословах нет. Каноны, состоящие из девяти песен, поются так, что после первой песни поется сразу третья. Это потому, что основа этой песни – обличительная песнь Моисея из книги Второзакония. Она полна упреков и пророческих угроз, поэтому включается в службу только Великим постом.

Ну а дальше последовательно нам предстоит познакомиться с историей Самуила и благодарственной молитвой его матери Анны (3-я песня), книгой пророка Аввакума, пророчествами Исаии, историей Ионы, событиями, происходившими с пленными отроками в Вавилоне. Это темы, соответственно, следующих песен, включая предпоследнюю. Девятая посвящена Богородице, и ее ирмос предваряется умиленным пением слов Самой Пресвятой Девы: "Величит душа Моя Господа".

Стоит ли говорить о том, что любовь к священным текстам и знание их способны превратить посещение службы в богомыслие и даже в созерцание? Пожалуй, не стоит. Это и так понятно. Но на деле мы зеваем на кафизмах из-за плохого знания Псалтыри и мучаемся на канонах из-за непонимания смысла этих песнопений. И та, и другая беда нередко усугубляется невнятным или беглым чтением и пением. Так во что же мы рискуем превратить – а то местами и превратили – наше Богослужение? И это при том что оно – главное богатство Православия.

Православная вера литургична. Понимает христианство, говорил Хомяков, тот, кто понимает литургию. Между Православием и Богослужением можно без страха ставить знак равенства. Это не будет ни грехом, ни преувеличением, но исповеданием истины: Православие = Богослужению. Пусть внешняя миссия изучает языки и, словно к замкам с секретами, подбирает ключики к сердцам инославных, иноверных, инородных. Внутренняя миссия не может обойтись без погружения в смысловую красоту Богослужения.

Ведь это – не просто сила ко спасению всякому верующему. Это – сила и красота одновременно. Сколь многие люди пытаются писать стихи о Боге и религиозных переживаниях! Этот поток рифм, стремящийся к бесконечности, иногда напоминает наводнение пошлости. А ведь оно пересохло бы, пересохло бы изрядно это наводнение, будь мы чувствительнее хоть на грамм к поэзии Богослужения! Вот один ирмос:

"Услышах слух силы Креста, / Яко Рай отверзеся Им, / И возопих: Слава силе Твоей, Господи". Стоит вчитаться только в эти краткие от гениальности строчки, чтобы перестать изливать душу в тетрадку из 18 листов. Если душа нашла себя в сильных словах другого, свои слабые слова сплетать уже нет смысла.

Знакомство с канонами, их изучение – это троякая задача. Задача молитвенная, богословская и культурная. Причем при всей ее неотложности и неизбежности далеко ходить не надо. Стоит, поминая почивших родственников, выучить ирмосы панихиды. Они прекрасны! Или открыть свой молитвослов. Три канона и последование к причастию должны быть в каждом.

Писание

Дважды в символе веры говорится о Святом Писании. Христос воскрес в третий день, согласно с Писанием, и Дух Святой говорил через пророков. То есть слова Моисея, Давида и прочих великих мужей были вдохновлены Утешителем. Очевидно, что изучение Писания должно быть одним из наших главных занятий. Человек – словесное существо, и ему не меньше хлеба нужна словесная пища. Единым хлебом жить человек не может. Эту цитату мы хорошо знаем. Важно делать из нее практические выводы. Вывод, собственно, один. Словесных овец Христова стада нужно выводить на тучные пастбища с сочной травой Божественных слов. Не к силосной яме с человеческими преданиями, а именно на тучные пастбища.

Раскрывая на службе Евангелие, мы совершаем действие, сходное по смыслу с развертыванием антиминса для евхаристии. Эти маленькие буквы таят в себе неземную силу. Они смело благовествуют правду Божию всякому умеющему читать. Книжники древности догадались, почувствовали, что в Писании нет лишних слов и даже черточек, что и подтвердил Господь Иисус Христос. Все важно, все таинственно, все назидательно. Книжники считали, что в буквочках и черточках заключена Слава Божия. Она подобна узнику, сидящему в темнице, где каждая буква и слово подобны прутьям и заклепкам ограды. Понимание смысла Писания есть, таким образом,

освобождение Божественной силы и премудрости. Эти же книжники поняли и сказали, что в Писании решительно все, даже самые далекие, казалось бы, тексты, говорят о Мессии. И эту мысль тоже подтвердил Господь Иисус, говоря: "Исследуйте Писания. Вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне".

Еще не было сформированного кодекса новозаветных книг, и апостол Павел, имея в виду Ветхий Завет, говорил, что все Писание богодухновенно и полезно для вразумления, обличения, назидания. Не имеет оправдания, ни богословского, ни простого человеческого, невнимание к священным текстам, нелюбовь к ним. Это – опосредованная холодность к Самому Богу, говорившему через пророков.

Писание не только написано о Христе. Оно также написано и обо мне. Я имею право спрашивать Бога: Господи! Вот я прочел страницу. А где здесь я? И где здесь Ты? Что Ты хочешь мне сказать?

Лучшая проповедь митрополита Антония (Блума) была та, где он сказал, что ничего не понял в прочитанном. Вот, дескать, Христос с нами только что разговаривал, а я, говорит митрополит, ничего не ощутил, ни на что не отозвался. Люди потом со слезами благодарили пастыря, говоря, что теперь они поняли, как слушать Евангелие.

Изумление и вопрошание необходимы при чтении и слушании Писаний. А еще – внимательное и молчаливое ожидание ответа. Так, когда Господь звал Самуила при скинии, говоря: "Самуил, Самуил", тот думал, что зовет его старец-первосвященник. Но, наученный тем, Самуил понял, что это его зовет Господь. И в следующий раз в ответ на голос, называющий его по имени, отрок сказал: "Говори, Господи. Слушает раб Твой".

Вот и нам, стоя в храме на чтении Евангелия и Посланий, можно и нужно сказать в сердце: "Говори, Господи. Слушает раб Твой".

Мы можем удивляться той перемене, которая наступала в жизни многих святых после услышанного отрывка из Писаний. Антоний Великий услышал: "Раздай все и следуй за Мной", – и тут же поступил по услышанному. И не только Антоний. Дело не только в глубине души и в жаре сердца, которыми отличались святые. Дело также в том уважении к литургии слова, которое было характерно для Древней Церкви. Пение псалмов, чтение Писания и проповедь – все то, что предваряет Евхаристию, – занимало, а кое-где и сейчас занимает час и более. Копты и сейчас читают пять отрывков из Нового Завета, некоторые – на двух языках. В литургии Иакова непременно читается отрывок из Ветхого Завета. Слово Божие пронзает совесть, смягчает раны души, напитывает человека. Когда скажут: "Благодарим Господа", вся церковь будет уже разогрета, насыщена словом, готова для евхаристии.

Очевидно, не завтра мы вернемся к этой древней и благословенной практике. Но тогда надо читать Писание самим или собираться для этой цели вместе хотя бы раз в неделю. Не надо бояться, что подобная практика кому-то напомнит протестантизм. Во-первых, это не так. Во-вторых, хороший опыт не грех и "оправославить". Кто сейчас помнит о том, что воскресные школы в нынешнем виде сформировались в Англии? Какая нам разница, где они сформировались, если опыт полезный, и мы с трудом представляем приходскую жизнь без подобных школ.

Да и какой здесь протестантизм, если в утренних молитвах Макарий говорит: "Даруй мне, восставшу, словесем Твоим поучитися". Если об Афанасии Великом говорили, что он так знает все книги Писания, как редко кто знает хотя бы одну книгу. Если Златоуст, не умолкая, во время и не вовремя, по апостолу, разъяснял народу святые тексты. Если отцы пустыни учили целые книги наизусть.

Православный человек – это человек Чаши и Книги. Если только Книги, то, да, это – протестантствующий человек. Но если только Чаши, то это человек, возможно, святой, но бессловесный. "Свят, но искусен". Опыт же говорит, что благочестивое невежество есть бомба великой разрушительной силы. Милосердный Иисусе, вразуми нас и научи исправиться. Тем более что читать мы все умеем.

Главный враг проповедника

Главный враг проповедника – это совесть, связывающая язык. "Чему я могу научить людей, если я глуп и грешен?", – думает пастырь и молчит. А раз молчит, значит, лишает паству словесной пищи. Пастырь боится фарисействовать, боится того, что жизнь его не оправдывает произнесенные слова. В этом страхе есть благочестие, но есть в нем и неразумие.

Было бы неплохо, если бы проповедовали только святые. Но, во-первых, сами святые откажутся себя такими признать. Во-вторых, если Петр отрекся, а Павел был гонителем, то не значит ли это, что поиск абсолютной святости может привести к ошибке скорее, чем к торжеству Православия? Что, если бы Петр отказался благовествовать и писать послания на основании того, что он сильно согрешил? Ответ, кажется, очевиден.

Если у мирянина от объедения, от осуждения или от злобы бесовской ночью, накануне воскресного дня, случится осквернение, то ему нужно воздержаться от причастия. Но если то же самое случится со священником, он не может не причащаться, поскольку не может не служить. То же самое касается и проповеди. Личное совершенство – вожделенная цель, но не лишать же людей службы до тех пор, пока цель не достигнута.

Православный христианин есть человек Чаши и человек Книги. И литургия есть не только принесение Бескровной Жертвы и вкушение от Нее, но в службе есть также место для литургии слова. Литургия слова предполагает чтение, внимательное слушание священных текстов и их истолкование, то есть проповедь. Как нельзя лишать людей литургии и причастия, исходя из собственной "грешности", точно так же их нельзя лишать словесной пищи.

Совесть будет обличать, и священник не раз выплачет в одиночестве ту боль, которая рождается от столкновения высокого призвания и личного недостоинства. И сами проповеди священник будет говорить не сверху вниз, как знающий – невеждам, но он будет говорить в режиме сострадания пастве и единства с ней, словно самому себе.

Священник, осквернившийся во сне, но обязанный служить, должен вычитать "Правило от осквернения". Эти молитвы и смирят, и утешат человека. Но о чем думать и что читать человеку, который должен проповедовать, а совесть склеивает ему уста? Не думаю, что предложу панацею, но меня самого утешают и ободряют мысли, которыми хочется поделиться.

Если я буду святым, то ничего не добавлю к святости Бога. Если я буду грешен, как есть, и еще больше грешен, то ничего не отниму от святости Бога. Бог свят без меня и независимо от меня. Он достоин хвалы, и Его нужно хвалить независимо от наших личных внутренних состояний. Я обязан это делать, если я верю в Бога. И я обязан проповедовать, если я священник.

Было бы странно, если бы мы сказали: "Сегодня я чувствую себя превосходно. Совесть ни в чем меня не обличает. Значит, я буду хвалить Бога и (в случае, если я священник) проповедовать". Зато в другой день мы бы сказали: "Я грешен и слаб. У меня болит душа. Совесть меня истерзала. Я не буду молиться и проповедовать".

Священник не имеет право на такой сентиментальный волюнтаризм. Он обязан благовествовать день ото дня спасение Божие, обязан благовествовать "силою многою", и это не должно зависеть от его личных переживаний.

Ветхозаветный закон запрещал священнику раздирать ризы даже в случае смерти собственного ребенка. Этот же закон повелевал приносить ежедневные жертвы независимо от бед и сложностей, переносимых иереем. Нам тоже нелишне отвязать священные обязанности от сентиментальных переживаний. В этом и заключается, быть может, единственное отличие священника от мирянина. Священнику нельзя уставать, опускать руки, останавливаться. Никто не знает, что внутри у него творится. Никому и не надо это знать, поскольку никто из жалости не снимет с него груз однажды взятых обязанностей. И Николай Сербский говорит о том, что никто не знает, какие вихри и огненные смерчи бушуют на Солнце. Главное, что к нам энергия светила приходит в виде теплых и жизнетворных лучей.

Итак, Господь свят. Если говорить привычно-умным языком, то Он объективно свят, свят независимо от наших пороков и добродетелей. Спасение, которое Он "соделал посреди земли", требует непрестанного напоминания и благовествования. У священника нет ни одной отговорки, если он не проповедует.

Конечно, необходимо готовиться. То есть делать выписки, читать, запоминать, думать, перед проповедью молиться. Но главное – отказаться раз и навсегда от той ложной мысли, что мы недостойны проповедовать. Не может быть недостойным тот, кого Сам Господь призвал к этому труду, нелегкому, но благословенному.

Апостол Павел в Афинах

Глава 17-й книги Деяний апостолов описывает пребывание апостола Павла в Афинах. Там, в частности, говорится, что Павел не имел покоя духу своему, видя город, полный идолов. Душа апостола, воспитанного в правоверном иудаизме, могла возгнушаться этим местом. Ведь для иудея не только явный идол, то есть изображение языческого бога, но и любая статуя, особенно если в руках у статуи есть какой-либо предмет (яблоко, копье, скипетр), является идолом и мерзостью. Афины могли лишиться проповеди и не услышать о Христе, будь Павел человеком, ставящим личные вкусы и привычки воспитания выше задач благовествования.

Вместо этого апостол отыскал повод для проповеди посреди самих статуй, украшавших общественные места. Он нашел жертвенник с надписью "Неведомому богу" и эту надпись взял как повод для проповеди. Любой писатель, любой проповедник знает, как важно не ошибиться в начале слова, как важно найти повод для диалога. Это всегда – половина начатого дела, и даже больше. Плохое начало слова – это нераскрывшийся парашют. Разбитым чувствует себя неудачно начавший слово проповедник. Павел начал гениально, и урок, преподаваемый апостолом, изумителен.

Он, наступая на горло собственному возмущению, называет афинян людьми, "особенно набожными", поскольку, не зная всех богов, но боясь оскорбить невниманием кого-либо неизвестного из них, они воздвигли безымянный жертвенник этому богу. "Вот этого Бога, Которого вы, не зная, чтите, я возвещу вам", – говорит апостол. В мире религиозного плюрализма, в мире, где знают все, но не знают главного, он находит повод для проповеди о Творце и об Искупителе.

Этот урок учит нас терпению и поиску тех зацепок, которые позволяют начать с людьми разговор о "едином на потребу". Мы ведь часто склонны махать рукой и ссылаться на невозможность евангелизации там, где все не по-нашему. Оказывается, зря. Любой народ и любая замкнутая группа внутри народа требуют специфического подхода и неторопливого внимания. С афинянами нельзя говорить так, как с евреями. Для тех нужны доказательства от писаний пророков, а для этих – философские рассуждения. Так и нам: с врачами нужно говорить на одном языке, а с военными на другом, с молодежью на третьем и с учеными на четвертом. Везде есть зацепка и повод, но везде их нужно искать, не позволяя себе эмоционального отторжения и ложно-благочестивого раздражения.

Вот святой Николай Сербский пишет о японцах и хвалит их за то, что у них нет в лексиконе матерной брани. Эта брань не запрещена. Она вовсе отсутствует. Отсутствует то унизительное отсылание к телесному низу и словесное осквернение собеседника, которое так въелось в нашу повседневную речь. Это значит, что японцам можно было бы сказать: "Я нахожу вас как-то по особенному набожными и хочу рассказать вам о Слове Божием, ибо я вижу, что вы благоразумно и целомудренно пользуетесь словом". Живя среди народа, бережно относящегося к старикам и уважающего седину, можно сказать, что и они по особенному набожны, исполняя заповедь о почитании родителей и старших. Такие примеры многочисленны. Можно со страхом, но не без надежды предполагать, что эти примеры есть везде. Мораль оправдывает человеческую жизнь. И мораль всегда питается страхом Божиим, даже если ясного познания о Боге в народе нет.

Сегодняшний мир плюралистичен и терпелив к любым мнениям. "Говори, что хочешь. Только не ущемляй мою гордыню и не мешай мне жить", – вот кредо сегодняшнего цивилизованного человечества. "Мы не хотим вам мешать жить, – ответим мы. – Мы не обещаем не затрагивать вашу гордыню. Но раз вы готовы слушать, мы будем говорить. Тем более что поводы для разговора мы в изобилии найдем у вас же. Хотите слышать о благородстве – мы скажем о Сыне Бога и Чистой Девы. Хотите знать о богатстве – мы скажем о Том, Кто богаче всех. Любите красоту – мы возвестим вам о Краснейшем паче сынов человеческих. Почитаете целомудрие – мы расскажем о Том, Кто чист, на Ком нет пятна". Все моральные достоинства, непременно присутствующие, пусть и в малом количестве, у любого народа, во Христе находят полноту и завершение. Это нужно учиться показывать.

В притче о милосердном самарянине упоминаются две монеты, которые были даны хозяину гостиницы для ухода за избитым разбойниками человеком. Эти монеты – два завета: Ветхий и Новый. Из них нужно черпать все необходимое для исцеления раненого Адама. Ведь "все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности" (2 Тим. 3: 16). И "всякий книжник, научившийся Царствию Небесному, выносит из своей сокровищницы ветхое и новое".

Гостиница – это Церковь. И там же в притче, где Господь Иисус обещает вернуться (ведь милосердный самарянин – это Он), хозяину гостиницы обещается воздаяние, если он потратит (издержит) на лечение больного что-то сверх двух упомянутых монет. Что же можно издержать на лечение сверх Библии и обоих ее Заветов? Очевидно, что всякое полезное знание, использованное ради научения в вере, заключается в этих дополнительных растратах. Апостол Павел ведь был широко и глубоко образован по меркам тогдашнего эллинистического мира. Он знал учения различных философских школ (стоики и эпикурейцы упоминаются среди его слушателей в Афинах), он не стыдился цитировать языческих авторов в проповедях и посланиях. Это – нечто сверх двух монет. Потому и в проповеди Павел потрудился больше прочих, что воевал не одним мечом, но в оружие обращал всякую вещь, попавшую в руки.

Это тоже урок для нас, для учеников Павла и поздних родов. Знаешь одну из наук или несколько – значит сможешь говорить с учеными, да и обычную проповедь сделаешь более убедительной. Служил в армии – значит сможешь общаться со служивыми на понятном для них языке. Любишь искусство – докажи слушающим, что оно в лучших своих проявлениях есть сплошь дитя христианской культуры. Знаешь языки, путешествовал, имеешь богатый личный опыт – все обрати на пользу распространения Христовой благодати. Иными словами, умножай знания, прибавляй к двум монетам, трать больше. Господь вернется и воздаст. Только ни от кого не отмахивайся. Преодолевай личную неприязнь. Те, кто не нравится тебе, весьма любимы Богом, Которого ты проповедуешь. Они не знают Его еще, как должно, но они наверняка чтут Его как Бога неведомого. Среди их идольских капищ найдется расчищенное место для христианского алтаря.

Со временем этот труд будет иметь плоды. Или в сто, или в шестьдесят, или в тридцать раз, как в притче. Так и наполненный некогда идолами город Афины стал городом христиан, городом епископской кафедры, городом, воспитавшим множество святых. Не во время Павла, а гораздо позже. И наш труд не для завтрашнего дня, а для вечности. Будь внимателен, проповедник. Со временем там, где не знали Бога, напишут то, что начертано на одном из храмов Троицкой лавры: "Ведомому Богу".

Идеальный приход

Давайте представим себе идеальный приход. Если наше представление будет правильным, то не факт, что мы воплотим идеал в нашей действительности. Не воплотим. Но деятельность свою будем соотносить с нормой и будем, таким образом, к норме и идеалу приближаться.

Так, к примеру, существуют эталоны мер и весов. Взвешивая нам помидоры, продавщица называет вес, а значит, и цену далеко не по аптечным меркам. Она погрешает с точки зрения эталона. Но именно эталон дает возможность что-либо вообще взвешивать и считать. Так же и столяр, замеряя размеры будущего шкафа, руководствуется эталоном метра и сантиметра, хотя неизбежно погрешает в точности. Норма дает возможность сравнения и поступательного движения при смиренном осознании того, что полного совпадения нормы и факта не будет.

Каков же он, идеальный приход? Во-первых, евхаристичен. Таинство Тела и Крови Христа для такого прихода – это пульсирующее и живое сердце. Все остальное получает импульс роста и движения отсюда. Приход – это семья причащающихся от одной Чаши людей – людей, единокровных благодаря Причащению.

Во-вторых, приход должен включать в себя представителей всех имеющихся в обществе слоев и групп. Там должны быть гармонично представлены интеллигенты и простецы, старики и молодежь, семейные и одинокие. Плохо, если в храме одни лишь люди старшего возраста. Значит, для молодежи в храме ничего не приготовлено. Но плохо также, если в храме одна молодежь. Значит, стариков вытеснили "за ненадобностью".

Хорошо, если среди прихожан есть профессора, актеры, архитекторы. Но плохо, если приход сплошь состоит из интеллигентов. Тогда на лицо угроза иллюзии избранности и, как следствие, снобизма прихожан.

Древность должна воскреснуть и оживиться на наших глазах. Богатые и бедные должны вновь сойтись у одной Чаши. Причем в пропорциях, существующих в обществе: один богатый на сто бедных и простых. Изобилие богатых тоже способно родить сомнение.

Итак, "если в собрание ваше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скудной одежде, и вы, смотря на одетого в богатую одежду, скажете ему: тебе хорошо сесть

здесь, а бедному скажете: ты стань там, или садись здесь, у ног моих, - то не пересуживаете ли вы в себе и не становитесь ли судьями с худыми мыслями?" (Иак. 2:2–4).

Приходы должны общаться между собою. Прихожане должны ходить в другие приходы на праздники, должны с любовью общаться с другими пастырями. Духовники не должны препятствовать этому общению из зависти или корысти. Древние сказали: если двое делают одно и то же, то это не одно и то же. При всей одинаковости богослужебного чина и Таинств в каждом приходе они совершаются со своими особенностями. Таков закон могущественного влияния личности на все, чем она занимается. Одинаковость устава не превращает нас в близнецов. И прихожанам нужно видеть эти различия, отмечать их как в хорошую, так и в дурную сторону, чтобы "испытанная вера оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота" (1 Пет. 1:7).

Если же священник ревнует прихожан к другим пастырям, внушает мысли об избранничестве его общины, критикует всех остальных, то его приход рискует превратиться в секту, а сам пастырь – либо в "гуру", либо в банального гордеца и завистника.

Все прочие виды активности, в том числе социальной, родятся сами собой. В мире нет людей бесталанных. И стоит согреть человеческую душу молитвой и Евхаристией, как она устремится к творческой самореализации. Один разобьет во дворе храма клумбу, другая возьмется шить облачения, третий пожертвует деньги на новый колокол, четвертый начнет проводить воскресные дни у постелей больных. Кому-то со стороны может показаться, что это плоды организационных талантов настоятеля. А это на самом деле совокупный труд, общее дело, то есть "литургия", ставшая возможной после того, как человек приобщился к самой важной Литургии – Причастию.

Спрашивать: зачем нам такие приходы? – как-то язык не поворачивается. Они нужны как воздух. Но можно спросить: что общего между этими гипотетическими идеальными общинами и миссионерством? Ответ прост. Такие общины оправдывают Евангелие в глазах мира и дают пример. Все проблемы христианства заключены в одном словосочетании – "плохие христиане". Разрушить дурные стереотипы, дать место славе и благодати Божией – что может быть для миссии лучше?

Можно сказать, что идеальный приход – это то место и тот образ жизни, который делает возможным раскрытие глубинных талантов человека, делает человека самим собой. Ведь до прихода ко Христу мы не знаем самих себя. Из всех мыслимых потерь после потери Рая самая горькая – потеря себя самого. Приходя же к Воскресшему Господу, мы себя вновь – или даже впервые – находим. А найдя, начинаем жить в ту меру общей пользы, на какую способны.

Но поскольку приход ко Христу не есть приход одного к Одному, но есть вхождение также и в семью – в Церковь, то человеку нужна среда для восприятия полноты веры и для самораскрытия в вере. Этой средой именно является приход. Больной приход рождает больных прихожан и делает больными здоровых. Здоровый приход способен воскрешать людей из гробов отчаяния и бессмыслицы и превращать Евангелие из читаемой Книги в воплотившийся факт.

Мысли по поводу идеального прихода можно и развить, и продолжить. Одно только не стоит забывать: Абсолютная Истина не лежит у нас в кармане, мы лишь на пути к ней. Ну, а эталон, как уже ранее сказано, помогает решать конкретные задачи, но воплощается в жизни очень и очень редко.

Задача-минимум

При всех нуждах эпохи и при всех вызовах современности, стоящих перед лицом пастыря и проповедника, нельзя не признать, что не все одинаково способны на борьбу с грехом и ложью во всеоружии духовного опыта и житейских знаний. Есть молитвенники, есть проповедники, есть организаторы, есть простые души, драгоценные перед Богом именно своей простотой. Не всем Бог дает все, и "дары различны, но Дух один и тот же" (1 Кор. 12:4).

Чтобы не было уныния от осознания своих способностей, чтобы не хвататься за дела непосильные, нужна мысленная ограда. Попробуем выстроить хотя бы ее часть.

В своем минимальном пределе Церковь обязана сохранить саму себя, то есть сохранить исповедание Христовой истины, молитву и таинства. Это должно сохраниться, даже если нет тонкой апологетики, терпеливой миссии и неустанной проповеди. На этот минимум способен каждый пастырь. Древние сказали, что "между поэтами есть место не только Гомеру". Мы знаем лучше всего из числа апостолов Петра и Павла, Иакова и Иоанна. Оставшихся из двенадцати можем знать не всех и тем более не помним все имена апостолов из числа семидесяти. А ведь они – носители благодати, очевидцы чудес, иерихонские трубы, сокрушившие стены ветхого мира. Это означает, кроме прочего,

что есть много менее известных, или мало известных, или даже забытых людьми тружеников, которых помнит Бог и труды которых Он оценил по достоинству.

Стоит в одном из уголков Божиего мира небольшая церквушка. Служит в ней не блещущий ни талантами, ни святостью простой священник. Принимает исповедь, крестит младенцев, венчает браки, приносит Богу в воскресенье и праздники Бескровную Жертву. Вокруг него и его прихода бушует мир. Сходят с ума люди, убивая себя алкоголем и наркотиками, ругаются с мужьями жены, ходит молодежь с немыслимыми прическами и малопонятным сленгом. Цветут буйным цветом секты, уверенные в своей избранности, охотящиеся за душами. Эфир наполнен телефонными разговорами, радиоволнами и падшими духами. А в храме у незаметного батюшки – горстка прихожан. Он не спорит с сектантами, не вытягивает со дна жизни тех, кто упал туда добровольно. Он – не харизмат и не оратор, он – не подвижник, просто – обычный батюшка. Но именно он и его приход хранят Истину в ее последнем пределе. Он и его приход с регулярными службами – это столп, на который опирается небо. Естественно, что ни в чьих глазах, равно как и в своих собственных, он никому таким не кажется. Это великое чудо и великая милость смиренного Иисуса.

Современный человек трудно приходит к Богу. В силу своей внутренней сложности и запутанности человеку непосильны прямые и простые пути. Нужно истосковаться и измучиться, обмануться на религиозных подделках, поработать пастухом на "стране далече" и поесть свиной пищи (вспомним притчу о блудном сыне), чтобы дозреть до покаяния и домолиться до Православия. Бог эту ситуацию допустил, Бог ее терпит. Дерзну сказать, что иногда в этом длинном и петляющем пути заключена прямая воля Божия. И вот для всех тех, кто находится пока вне пределов нашего взгляда, кто прорывается к Церкви, ползет к ней, преодолевает препятствия, нужны простые и малоприметные храмы, "зернохранилища Вселенского добра и риги Нового Завета" (О. Мандельштам).

У А. Майкова есть такие стихи:

И ангел мне сказал:
"Уйди, оставь их грады,
В пустыню спрячься ты, чтоб там огонь лампады –
Светильник Истины до срока уберечь.
Чтобы когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света пожелают –
Им было б чем светильники возжечь".

Слова в стихах обращены к некоему подвижнику, покидающему мир. Священник же мир не покидает, но он тоже призван хранить лампаду непотухшей. Это нужно ради тех, кто еще не в храме, но уже на пути к нему. Если бы мы могли парить в небесах, подобно птицам! И если бы мы видели не только при помощи зрачка и хрусталика, но и при помощи любящего, верующего сердца! Что увидели бы мы?

Мы увидели бы мир, подобный бушующему морю, а маленький храм с неказистым священником словно каменный утес посреди пучины. Мы увидели бы многих жертв кораблекрушения, которые на досках, на обломках корабля, в надувных жилетах и без них, вплавь добираются до утеса. Их манит сияющий крест и огонек в окнах. Они изнемогают от борьбы со стихией и хотят спастись. Для них и существует храм. Ради них Господь сообщил каменному утесу несокрушимость перед лицом волн. Они – будущие прихожане.

Поэтому священник не должен отчаиваться, видя свою паству малочисленной. Это временное явление. Со всех сторон к храму движутся люди, ощутившие, что они погибают без благодати и без таинств.

В своем последнем пределе как минимум задач священник должен сохранить свой храм и приход. Сохранить ради молитвы, литургии и исповедания Истины. Все облеченные саном и благодатью священства способны на это, невзирая на различие способностей и дарований. Дело это столь драгоценно, что "хорошо служившие приготовляют себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Иисуса Христа" (1 Тим. 3:13).

Само существование Церкви есть миссия без всех внешних признаков миссии. Кто-то может идти в далекие страны на проповедь или писать богословские книги только благодаря тому, что великое множество неизвестных миру пастырей просто и бесхитростно совершают свой повседневный труд. Такая ситуация будет продолжаться до самого Страшного суда: одни будут благовествовать силою

многою, другие будут обеспечивать эту "многую силу", поддерживая мистическое бытие Церкви. Тем более что сама царица служб – литургия – будет совершаться тоже до последнего предела, как написано: "Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сею, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет" (1 Кор. 11:26).

Зажечь другого

Дерево, таким образом, живет, что стоит полить корни, и распустятся ветви. Человеческое тело таково, что стоит пальцу опухнуть, и весь человек ходить не сможет. Совершенно по тем же законам живет и человеческое общество. Один влияет на всех, и все влияют на одного. Сложноподчиненные связи пронизывают человечество. Никогда заранее не угадаешь, как и в каком месте прорастет посев, сколько еще огней зажжется от малого огня, зажженного тобой.

Вот она и радость. Вот и утешение. Телесное око очень ограничено в способностях. Чтоб видеть дальше и глубже, нужны микроскопы и телескопы. И житейский взгляд выхватывает только то, что "здесь и сейчас". А какова дальнейшая судьба примеров, слов, идей, дерзаний и усилий, пока не видно.

Вот как грамотно, со знанием дела, сердечно излагает православную веру епископ Каллист (Уэр). Но кто мог предвидеть это, когда он, еще юным студентом, вошел "случайно" в православную церковь и стоял за литургией, которую служил архиепископ Иоанн (Максимович)? А ведь тогда-то все и началось.

Вот как много трудов взял на свои плечи иеромонах Серафим (Роуз), пробуждая спящих от сна, защищая веру отцов, обличая козни врага. А ведь тоже все началось в православном храме, куда он зашел "случайно" и почувствовал, что двери за спиной закрылись, а сердце сказало: "Ты дома".

Христианское просвещение Эфиопии началось с того, что евнух, хранитель царской казны, читал в колеснице книгу Исаии. Читал и не понимал, что читает. И апостолу Филиппу было велено ангелом пристать к колеснице и начать разговор. И потом был недолгий совместный путь, и проповедь о Иисусе, и крещение в первом встречном источнике воды. И дальше ангел унес Филиппа, а новокрещенный евнух в радости продолжил путь домой. Там, дома, его уже ждали люди, которых он должен был научить и привести к вере (См.: Деян. 8:26–40).

Один начинает дело и не видит еще, даже не предчувствует будущих плодов. Но начинает с верой в будущую пользу и с надеждой на сильного Бога. А дальше, вопреки закону энтропии, начатое движение не погасает, не сходит на нет, но, словно вечный двигатель, набирает обороты и движет иные души.

По всем земным расчетам христианство могло закончиться вместе с земной жизнью тех, кто лично видел и слышал Иисуса. Это – по земным расчетам. А оно не закончилось, набрало силу и заканчиваться не собирается. Вот и Наполеон в ссылке размышлял о Христе и удивлялся: как это за Него жизнь отдавали, Самого в глаза не видя, но только веруя? За Наполеона ведь тоже на штыки и под пули шли, но для этого надо было обожествляемого императора лично видеть в клубах дыма, на холме, командующим сражением. А тут – только по зову сердца, только по вере, и – на смерть. Да не одиночки, а миллионы. Да не в древности только, а всюду, и даже до сего дня. Как тут усомниться в истинности Евангелия и во всесильной помощи Святого Духа? Никак невозможно усомниться, если только задуматься.

Вот и мы, поддаваясь мирскому духу, разрешаем себе думать, что христианство выветрилось и потеряло силу. И, уверовав в эту ложную мысль, перестаем сами гореть и зажигать других. А ведь стоят на наших службах – непременно стоят – Алеши Карамазовы, жадно ловят каждое слово и смотрят не по сторонам, а внутрь, туда, где колеблется и горит огонек веры. В нашем деле ведь всего-то и надо порою, что, зажигая чужие светильники, зажечь и тот один, который ярче всех разгорится.

Нельзя не видеть, что человечество исчерпывается, устает и продолжает безумствовать. Но нельзя также не видеть и того, что человеческий ресурс все еще очень велик, что не все слова еще сказаны и не все дела сделаны. Святитель Николай Японский, находясь почти в одиночестве в далекой стране, слыша о первых раскатах революционного грома в любимом и далеком Отечестве, писал все же, что человечество еще – ребенок. А наша страна – тем паче. И у мира, и у нас, как части этого мира, по мысли равноапостольного святителя, еще великое и ответственное будущее. Сомневаться в этом святитель Николай считал равнозначным хуле на Промысл Божий.

А из нас многих хлебом не корми, дай только голову в песок спрятать и оттуда, из-под земли, гугнить о том, что все пропало, что всему конец и дела безотрадны. Да с таким подходом к жизни и без беды беду наживешь! Но прежде чем затравленно метаться в страхе перед приближающимся антихристом, надо спросить себя: сделал ли я хоть что-то для того, чтоб этому приходу воспрепятствовать? Не в смысле: разбил ли камнем компьютер, разрезал ли ножницами кредитную карточку? Ведь не технические же новшества этого зверя, выходящего из бездны, приведут к власти и воцарят, а тотальное безбожие, мелкая жизнь и разврат. И только борьба с безбожием, развратом и мелочностью этому отвратительному царствованию мешают стать реальностью. Вот вам и поле для вспашки, вот вам и точка для приложения усилий. Если ты – душа творческая, закатывай рукава. Но если ты – нытик перепуганный и способен только на то, чтобы своей растревоженной душой без толку тревожить чужие души, я тебя прошу: купи пачку "Орбита". Ведь иногда действительно лучше жевать, чем говорить.

А уж если говорить, то нужно говорить о Христе, о том, что Он силен, как прежде и, как прежде, от рабов Своих неотлучен. Конца времен ждать не надо, поскольку, имея Христа, мы в Нем имеем и начало, и конец. "Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель" (Откр. 1:8). Он и родился на Земле, "когда пришла полнота времени" (Гал. 4:4). Другой полноты ждать не надо. Другой полноты нет, но есть скудость и пустота, рождаемая грехами и бездействием либо грехами и неправильным действием. В эту пустоту и ввалится антихрист, как вор – в разбитое окно. В пустоту ввалится, а не в полноту.

Я несомненно уверен в том, что в мире живет великое множество людей, которые лучше нас. Они сильны, просты, отзывчивы, сообразительны. Они терпеливы и последовательны. У них есть все, что нужно христианину, но нет пока главного – веры. Ради них нужно жить и трудиться. Ведь когда они уверуют, они не опозорят Евангелие в глазах врагов личным примером, как мы, а оправдают Его делами и прославят имя Господа Иисуса. Они живут в разных странах, и у них кожа разных цветов. Некоторые из них уже в возрасте, а некоторые еще не родились. Жизнь мира продолжается ради того, чтобы в каждом поколении Христос был узнан людьми и полюблен ими.

Ради этого стоит жить. Мне эта мысль дает силы. Так раненый знаменосец без печали закрывает глаза, видя, что знамя не упало, но подхвачено сильной рукой.

И, между прочим, все это не "когда-нибудь" совершится, а уже сейчас совершается. Даже в эти самые минуты.

Культура

У веры сегодня есть интересный помощник в лице культуры. Были, правда, времена, когда ходьба по длинным коридорам культуры хорошо не заканчивалась. Эти времена и сегодня не закончились. Но мы вправе сегодня ждать от культуры и немалой помощи.

Помощь заключается в том, что К. Льюис называл «проветриванием мозгов воздухом иных эпох». Ведь если с прошедшей жизнью мира ты знаком поверхностно, то выходит, что и мир зарождается, и велосипед изобретается, и закат багровеет красками Апокалипсиса в пределах твоей маленькой жизни. Отсюда чрезмерная страстность исторических оценок, ускоренный анализ и поспешные выводы. Отсюда чрезмерная увлеченность своей собственной персоной и своим историческим моментом.

Не секрет, что Православие в нашей стране прихварывает (мягко говоря) нервным эсхатологизмом, вожди которого искренне религиозны, но именно малокультурны. Не в смысле сморкания в кулак вместо платка и не в смысле нежелания встать в транспорте при виде старшего человека. А в смысле нежелания сопоставить свои выводы с историческим опытом. Поэтому их творческие усилия больше похожи на торопливое складывание чемодана, чем на строительство дома. А ведь нам именно нужно строить дом после долгих лет безбытности и крестовых походов за всечеловеческим счастьем.

Общеизвестный факт: среди сектантов нет или почти нет серьезных ученых. Сектантство слишком увлечено сегодняшним днем и быстрыми плодами. Оно стремится вскипятить кровь своих адептов и представить сегодняшний день днем предпоследним. Серьезный человек, прочитавший много книг и любящий думать, в такой атмосфере себя будет чувствовать неуютно. Напротив, Православие

ученому человеку близко. Там есть многовековая традиция, там за каждой деталью видна долгая работа мысли. Да и с Макарием Великим гораздо плодотворнее познакомиться, чем с брошюркой всезнающего пастыря. Казалось бы, ученое сообщество должно массово воцерковляться. Так и есть, да только не очень массово. Причина – сектантское мышление многих православных, для которых Макария и Исаака читать уже поздно, поскольку времена последние. Им бы посоветовать взять на вооружение оксфордскую пословицу: «Живи так, как в последний день, но учись так, словно живешь вечно».

Мы обедняем свою жизнь и создаем косвенные препятствия для прихода в Церковь глубоких людей, когда ведем себя, словно кликуши или перепуганная курица. Церковь может сегодня переиначить под себя лозунг одного очень нехорошего человека и сказать: «Учиться, учиться и еще раз учиться». От этого наша вера станет тверже и осознанней, а наше свидетельство – полновесней. Нельзя быть похожим на Митрофанушку, говорившего: «Зачем географию учить, коль извозчик довезет?» Нельзя спрашивать, зачем нам латынь и греческий, зачем поэзия и математика. Нам нужно все, поскольку все великое прикасается к Богу, все изощряет ум, все развивает.

Кто-то скажет, что, мол, Серафим Саровский этого не делал. А мы спросим у подобных людей: «Вы во всем подражаете Серафиму? И в стоянии на камне? И в безмолвии? И в отшельничестве?» Скорее всего, нет. Так знайте, что Серафим очень высоко отзывался о святителях Василии Великом и Григории Богослове. Он считал их истинными ангелами во плоти и защитниками истины. А теперь познакомьтесь, прошу вас, с их житиями. Почитайте, как они, еще не крещенные, жили в Афинах, зная только училище и церковь. Как они беседовали с умнейшими людьми своего времени, ото всех, словно пчелы с цветков, забирая лучшее. Хотите ссылаться на Серафима – уходите из мира молча и терпеливо монашествуйте, подражая Серафиму. А иначе живите в миру, вооружаясь всяким знанием, чтобы не отпасть от истины. Ведь это – вызов современности. Была эпоха страданий и катакомбного, скрытого бытия. Была эпоха воцерковления империи, культуры и выработки языка для богословского свидетельства. Была эпоха сберегания апостольского огня в простоте скитов и пустынь. Были эпохи дробления и обособленной жизни. Были эпохи подлинного миссионерства и миссионерства, смешанного с коммерческим интересом. Чего только не было! Но сейчас эпоха собирания камней для всемирного свидетельства, эпоха усвоения плодов прошлого с тем, чтобы будущее встретить во всеоружии. Бежать некуда и незачем. Во-первых, везде найдут. А во-вторых, времена благодатны и благоприятны именно для глубокого воцерковления и освоения исторически накопленных богатств.

Мы ведь и живем так паршиво не потому ли, что веру, эту небесную силу, отодвинули на периферию жизни и считаем, что жизнь по вере возможна только вдали от практической деятельности? А разве не было в истории людей, сочетающих глубокую веру и подлинную религиозность с государственной службой, или с трудом архитектора, или с фундаментальной наукой, или с поприщем полководца? Были такие люди. Множество их было. Врачи-исповедники были, ученые-монахи были, педагоги-подвижники были. Отчего же их теперь быть не должно? Бог изменился? Но это – ересь. Человек не тот? Полноте. Человек тот же, и благодать все так же «немощных врачует и оскудевающих восполняет». А времена всегда, если угодно, были подлые, и карьеристам всегда жилось вольготнее, чем труженикам. Но это недостойная отговорка. Просто для того, чтобы понять драму жизни и найти себя, понять, что во все эпохи мы решаем одни и те же задачи, нужно всматриваться в прошлое, как в книгу. Всматривание в прошлое – это и есть погружение в культуру.

Вот еще какое чванство можно рассмотреть в сынах человеческих: они с легкостью хвалят свое, как бы записывая заслуги предков на свой счет, и с легкостью ругают чужое, словно оно все сплошь негодное. А ведь учиться можно у всех. Не только можно, но и нужно. Он не шпион и не предатель, человек, усвоивший чужой положительный опыт. Он – купец, привозящий на родину чужестранный полезный товар. И нужно наступить на горло собственной гордыне, личной или национальной, нужно, говоря языком Евангелия, попросту смириться, чтобы признать чужой успех и сделать его своим через обучение.

Вот арабы говорят: «За знаниями иди даже в Китай». Китай для них был, видимо, синонимом «края света». Сходим и мы в Китай за одной цитатой. Сходим в Китай, не сходя с места.

Конфуций говорил: «Учиться, не думая, бесполезно, а думать, не учась, опасно».

Учатся, не думая, те, кто запоминает материал ради сдачи экзамена, а потом забывает, или те, кто глотает книги без разбора ради тщеславия или по ненасытности. Или те, кто не имеет выстраданного мировоззрения и веры. Такие, по апостолу, «вечно учатся и никогда в разум не приходят». Эти – бесполезны. А вот думают, не учась, те, у кого пожар в сердце и энергии хоть отбавляй. Если им не учиться, то они опасны. Из таких как раз появлялись и расколоучители, и еретики, и баламуты с большим размахом. Народ наш по душевным свойствам широк до невообразимости. Ему-то как раз и надо учиться больше всех других. Потому что отсутствие в нашем народе образования и культурной многогранности – тех самых качеств, что успокаивают душу и дают энергии творческий, неторопливый выход, – грозит катастрофой.

Ведь что такое революция в России? Это болезненная реакция на западную интеллектуальную прививку. Запад идейно родил коммунизм, но переболел им мягко. А мы заболели так, что чуть не умерли, и именно из-за того, что не имели культурного иммунитета для переваривания чужих идей. Точно так же мы сейчас эсхатологизмом болеем. Оттого, что спешим сразу до точки дойти, спешим в книжке последнюю главу прочесть. Умереть спешим в то самое время, как Господь на нас с надеждой смотрит и трудов от нас ждет. У Него, быть может, не так уж много тружеников в винограднике осталось. А мы то и дело порываемся бросить заступ и сбежать. Нам, видите ли, опять показалось, что конец света приблизился.

Кстати, ножницы для обрезки гроздьев и лопата суть орудия земледельческой культуры, придуманные давно и передаваемые из поколения в поколение. Так что в винограднике Господа тоже нельзя обойтись без культурных плодов и исторической преемственности.

Паскаль

Если бы наука неумолимо отводила человека от Бога, в мире не было бы ни одного верующего ученого. И если бы наука неумолимо приводила человека к Божиему страху и поклонению Уму Высочайшему, в мире не было бы ни одного серьезного ученого, который бы не молился и не лил слезы над Евангелием.

Вместо этого видим в истории и современности два великих множества мыслителей и ученых. Одно множество состоит из тех, кто в ученую еду добавляет соль веры, а другое множество – преснопитающееся. Это те, кому Бог не нужен ни в быту – как Помощник, ни в науке – как гипотеза (см. диалог П.-С. Лапласа с Наполеоном). Не важно, в каком множестве наблюдается численный перевес. В таком деле пара лишних голосов не изменит главного вывода, ибо оба множества по числу велики. А главный вывод заключается в том, что наука не приводит к вере и не уводит от нее.
Она может помочь, подтолкнуть как в одну, так и в другую сторону, но суть дела не в ней. Есть что-то другое в человеке, отличное от анализирующего ума, где, собственно, зарождается и зреет вера.

Блез Паскаль: "Есть только три разряда людей: одни, обретшие Бога и служащие Ему, другие не нашедшие Его, но стремящиеся к тому, третьи те, которые живут без Бога и не ищут Его. Первые рассудительны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны" (Мысли XXII:L)

Б. Паскаль говорил, что у сердца есть иная логика, отличная от логики познающего ума. Этот же самый чудный Паскаль говорил, что Бог приходит к человеку не как Бог философов и ученых, а как Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Люди, подобные Паскалю, драгоценны. Они нужны хотя бы для того, чтобы выбить картонную шпагу у спорщика-атеиста, когда тот мотивирует свое неверие банальным выпадом "наука доказала". Какая наука? Что доказала? Паскалю вот не доказала. Более того, Паскаль при помощи математической вероятности доказал необходимость веры во Христа. Если смысл жизни состоит в стремлении к благу и бегстве от страданий и если наука призвана обеспечить или приблизить человеческое счастье, то верить во Христа разумно и необходимо, а не верить в него – безумно и опасно. Смотрите сами.

Допустим, верующий человек ошибся. Что же он потерял? Ничего. Он жил, подобно прочим людям, ел, пил, работал, отдыхал. Он только старался соблюдать нравственный закон, за что его, возможно, уважали окружающие. Потом он умер, и – все. То есть в случае, если он ошибся. Он распался на первоэлементы, и, как говаривал О. Хаям, "Эти горсти песка под ногами у нас / Были прежде зрачками пленительных глаз".

Но что будет, если он не ошибся? Тогда его ожидает слава, Царство, содружество ангелов, знакомство с лучшими людьми мира, лицезрение Христа, ликование, мир души.

Теперь взглянем на человека неверующего. Что выиграл он, проведя в жизнь последовательно свое мировоззрение? Он не мучил себя постами и посещением долгих служб. На грехи, совершенные плотью, смотрел как на закон природы. Он не хотел смиряться перед Богом, более того, хотел гордиться славным именем человека. Но смиряться приходилось перед начальниками и перед обстоятельствами жизни. Великих дел, конечно, не совершил, но пожил в свое удовольствие. Правда, и оно, удовольствие, было изменчивым. Болезни и возраст, несовпадение желаемого и действительного, бытовые конфликты отравили большую часть возможного счастья. Но в атеизме своем человек остался тверд. И вот теперь он умер, чтобы исчезнуть. Как же он удивится, когда исчезновение убежит от него, а краски мира, наоборот, станут ярче! Что он выиграл бы, исчезнув? Ничего. Он не только не выиграл бы ничего в сравнении с верующим человеком, но даже в сравнении с домашней собакой он бы тоже ничего не выиграл, а скорее бы проиграл.

А вот потеря его (в случае, если он не прав) окажется большей, чем вынести возможно. Потеря будет такова, что невольно возопишь от отчаяния и заскрежещешь зубами. Так и сказано: "Будет плач и скрежет зубов".

Итак, из двух вариантов "верить – не верить" лучше верить. Ничего не утратишь, зато выигрыш может стать невообразимым. Все равно что играешь в рулетку на миллион большим количеством подаренных фишек. Это говорит банальный математический расчет.

И наоборот. Атеист ничего не выигрывает, становясь пищей червя и тления. Но уж если проиграет, так проиграет колоссально.

Вывод: отсутствие Бога наука доказать не в силах. Напротив, адепты неверия не знакомы с элементарными законами правильного мышления. Так пусть тогда на науку не ссылаются. Так бы и говорили: "Не верю, потому что сердце черствое", "суета заела", "боюсь к Богу глаза поднять". Это было бы честно, и, значит, это был бы шаг к будущему покаянию и исповеданию. А так – "наука доказала…" Стыдно должно быть.

Есть Аристотелева логика, не допускающая противоречий. С ней не суйся туда, где чудо. Например в область Евангелия. Там Дева рождает Сына и остается Девой. Там Бог воплощается, мертвые воскресают, пять хлебов питают пять тысяч людей. Очевидно, какой-то иной мир вошел в "этот" мир, и законы иного мира "потеснили", мягко отодвинули привычную неизменяемость жизни. Жили себе люди, жили, и параллельные прямые у них никогда не пересекались. Бог на небе, мы на Земле, Эвклид прав: параллельные прямые не пересекаются. Как вдруг страничка перевернулась и началась геометрия Лобачевского. Не то что прямые пересеклись – Бог сошел на землю. Два мира соединились нераздельно, но и неслиянно. И привычные законы мира стали отступать, показывая, что "Царь не от мира сего" находится рядом.

Есть такая наука, которая бы мыслила дерзновенно, вопреки видимому миру? Есть. Это – математика. Она же – царица науки. У нее сплошь и рядом под руками вещи умные, которые не пощупаешь. Никто из нас не видел и не увидит ноль. "Ничто" не вообразимо и не изобразимо. А математика оперирует нолем привычно, как хозяйка – иголкой и ниткой.

Стоит заговорить о бесконечности, как начинаются чудеса. Любой математик на пальцах вам докажет, что в бесконечности часть множества равна целому, что бесконечная прямая – это окружность с бесконечным радиусом. И наоборот, окружность с бесконечным радиусом – это бесконечная прямая. Это даже я мог бы доказать. И значит, стоит нам ввести в науку один из атрибутов Бога – бесконечность, как тут же мы способны вести разговор на языке науки, очень близком к языку веры. Уже стираются с лица улыбки скептиков при разговоре о том, что в Боге одна природа и три Личности. Да, господа. Аристотель остался за дверью, а мы входим в святилище мысленных созерцаний, где никто не удивляется ни Богочеловечеству, ни Приснодевству, ни единству Троицы. Вернее, удивляется, но не отрицает, а созерцает.

Так мешает ли наука верить? Можно ли кухонным ножом убить? Можно ли микроскопом колоть орехи? Все это возможно при жизненном векторе, направленном не туда. Разум, как счетная

машинка, будет послушно проводить вычисления как в безгрешных, так и в воровских схемах. Важно, чтобы разум был управляем сердцем, у которого (по Паскалю) своя собственная логика. И важно, чтобы это сердце молилось. Тогда бояться будет нечего. Вернее, есть чего, всегда есть. Но основания для страха будут (выразимся математически) стремиться к нулю.

Честертон, Льюис, митрополит Антоний

Кем-то было удачно подмечено, что в XX веке среди всех проповедников Евангелия в Великобритании (а их там в это время было немало) лишь голоса трех людей были расслышаны и глубоко приняты. Эти проповедники – Гилберт Честертон, Клайв Льюис и митрополит Антоний (Блюм). Стоит присмотреться к этим трем «последним из могикан», поскольку именно в трудах, подобных тем, что понесли они, нуждается любое общество, сохраняющее свою связь с Христом и Церковью.

Честертон и Льюис – миряне. Они не занимают никакого места в иерархии, не связаны корпоративной этикой, на них не лежит печать школьного, специального образования. Поэтому они специфически свободны. Там, где епископ и священник трижды оглянутся на мнение вышестоящих, на возможный общественный резонанс и прочее, эти двое говорят, что думают, подкупая слушателей простотой и смелой искренностью. Они говорят не в силу необходимости, не в силу обязательств, наложенных саном и положением в обществе, а в силу одной лишь веры и сердечной обеспокоенности. Невольно вспоминается наш отечественный «рыцарь веры», как называли его с уважением даже враги, а именно – Алексей Хомяков. Он боролся за Церковь не потому, что окончил академию, а потому, что жил в Церкви и Церковью. В области учения о Церкви никто из иерархов не был так свеж, как этот мирянин.

Впрочем, Хомяков, хотя и поэт, но в богословии был именно богословом, а отнюдь не богословствующим сочинителем. Он писал не статьи или очерки, а большие серьезные труды. Честертон же и Льюис богословами были вряд ли. Каждый из них начинал как поэт. Но известность они приобрели: один – как журналист, эссеист и критик; второй – как писатель и истолкователь христианских основ, некий катехизатор с академическими знаниями.

В отличие от них обоих митрополит Антоний не писатель и не профессор, не журналист и не полемист. Он – свидетель. Его слова – это всегда свидетельство о том, что, казалось бы, известно с детства. Но владыка митрополит умеет всегда дать известному ту глубину, на которую редко кто нырял. Прочувствованно, с большой силой достоверности, проистекающей из личного опыта и глубокой убежденности в правде произносимых слов, он всякий раз открывает слушателю Евангелие заново. Слово Божие в его устах никогда не сухо и никогда не скучно. Он не размахивает цитатами, словно дубиной, устрашая несогласных. Но он возливает слово, как елей; он врачует души от язв неверия, суетности, безответственности.

Все трое не родились христианами, но стали ими. Каждый из них способен на честный рассказ о своих сомнениях, о поиске Бога и обретении Его. Эта подкупающая честность способна прикоснуться к самой сердцевине современного человека, который боится традиции, для которого христианство «слишком отягчено» грузом минувших эпох. Изнутри традиции, не отвергая ее вовсе, скорее – утверждая, трое благовестников воскрешают чувство евангельской свежести. В их устах Новый Завет поистине Новый, а Евангелие – благая весть, и лучше не скажешь.

Любопытно, что, в отличие от Честертона и Льюиса, митрополит Антоний ничего не писал. Он действовал по-сократовски: спрашивая, отвечая, замолкая по временам и размышляя вслух перед лицом Бога и собеседников. Это потом его речи превращались в книги благодаря усилиям друзей и почитателей. Благо, он жил в эпоху средств аудиозаписи, и усилия скорописцев не требовались. Кстати, об эпохе. Технический прогресс, увеличение народонаселения, распавшаяся связь времен и общее смятение… Кто не ругал новейшую историю и духовную дикость современного людского муравейника?! «Железный век, железные сердца». Но эта эпоха все же позволяет тиражировать речи мудрых с помощью технических средств и доносить эти речи до тысяч и миллионов слушателей.

По-хорошему нужно, чтобы в каждом городе был свой митрополит Антоний, в каждом университете – свой Льюис и в каждой газете – свой Честертон. Но это – по-хорошему. А если по-плохому? А по-плохому люди такие являются редкостью, и была бы для многих непоправимой утратой та ситуация, при которой их слышало бы только ближайшее окружение. В средние века при неграмотности большинства паствы, при дороговизне книг и отсутствии массовых коммуникаций все зависело от возможности послушать мудрого человека вживую. Сегодня, удаленные друг от друга временем и расстояниями, мы можем назидаться благодатным словом при помощи книг и различных аудио- и видеозаписей. Все трое это понимали. Все трое в разное время и с разной интенсивностью выступали по радио с беседами, лекциями и проповедями. То есть они вполне современны, чтобы быть понятыми сегодняшним человеком, и вполне устремлены в вечность, чтобы не угождать минутному вкусу, но защищать истину или возвещать ее.

Нам нужны эти трое, конечно же, с другими фамилиями. Нужны фехтовальщики, подобные Честертону, готовые извлечь из ножен отточенную шпагу неоспоримых аргументов и принудить к сдаче любого скептика или недобросовестного критика, хулящего то, чего не знает. Этот формат наиболее подходит для всех видов журналистики.

Нужны профессора, гораздо уютнее чувствующие себя в компании древних рукописей, нежели на автобусной остановке. Эти, зовя на помощь бесчисленный сонм живших ранее писателей и поэтов, способны представить взору людей, учившихся «чему-нибудь и как-нибудь», христианство как плодотворную силу, во всех эпохах зажигавшую сердца и дающую радость.

Нужны, наконец, епископы, способные говорить о Христе не сверху вниз, а лицом к лицу, не как учащие, а как независтно делящиеся истиной.

Эти трое нужны для общества, считающего себя образованным и умным; общества, даже несколько уставшего от своего всезнайства и, подобно Пилату, пожимая плечами, спрашивающего: «Что есть истина?» Для простых людей нужны простые проповедники. Но простота исчезает. На ее место приходит недоучившаяся спесь, всегда готовая спорить с Богом по причине недоученности. Приходит привычка произносить легкие слова о тяжелых темах и давать чужие, лично не выстраданные ответы на вечные вопросы. Вот им-то, людям, заразившимся метафизической несерьезностью, и полезно было бы за одним из жизненных поворотов повстречать кого-то из этих трех: Честертона, или Льюиса, или митрополита Антония. С другими фамилиями, конечно.

Так что же такое миссия?

Так что же такое миссия? На что она похожа?

На переливающуюся чашу, на такую чашу, которая полна до краев, и от ее избытка достается влага тем, кто рядом, но сама чаша не оскудевает. Но разве мы таковы? Вряд ли.

Каковы же мы, и возможна ли миссия в нашем случае?

Мы похожи на чашу, которая ничего никуда не переливает, поскольку сама полна лишь отчасти. Нам нужно хранить свое содержимое, беречь его от праздных взглядов и от чужого желания поозорничать и вылить наше сокровище. Такие озорники всегда под боком.

Нужно жить тем, что тебе подарено. Жить и молчать.

А если спросят? Пристанут и спросят "о нашем уповании"? Тогда нужно говорить как бы нехотя. Говорить в сознании того, что сам бы ни за что не дерзнул рассказывать, поскольку в самом жизнь не плещет через край, а хранится на донышке. Говорить. И это будет миссия.

А что, если один спрашивает серьезно, другой, стоящий рядом, спрашивает от скуки, а третий хитро улыбается и не прочь чашу опрокинуть? Тогда неясно, что делать. Защищать сокровище и спасаться бегством или все же говорить, делиться? Или отмалчиваться, занимаясь собой и пополняя собственный запас? Неясно. А ведь это именно и есть наша ситуация. Ничего не понятно. Бежать, оставаться, говорить, молчать, смиряться, дерзать, смотреть по сторонам или только в себя? Вопросов больше, чем ответов.

"Если ты действительно тот, кем себя называешь, если ты знаешь Бога и не боишься смерти, то почему ты молчишь? Твое сокровище нужно всем. Ты – вор, ты – хранитель источника во время засухи и не позволяешь никому напиться". – "Нет, нет. Я не утаиваю воду. Ее у меня просто очень мало. Ее так мало, что напиться можно только немногим. У меня есть теоретические знания. Я знаю формулу воды: H2O. А самой воды у меня чуть-чуть". – "Так ты – лжец. Мы давно говорили, что ты – игрок словами и любитель попусту тревожить души. Ты будишь нас не для того, чтобы указать путь, а лишь для того, чтобы лишить нас сладкого забвения и ночных грез. Тебя надо выгнать. Или убить. Или использовать силу твоих слабых рук на строительстве светлого города, где будут жить счастливые люди. Выбирай: вот у причала стоит "философский пароход"; вот взвод латышских стрелков и китайских добровольцев ждет команды "Пли!"; а вот состав товарных вагонов ждет сигнала семафора, чтобы отправиться в далекие края на стройку века. Выбирай!" – "Нет, нет. Все это было. Это тупиковые пути. Должен быть другой путь. Он есть на самом деле, а не просто должен быть. Только я слаб, чтобы повести вас по нему. Дайте мне срок, потерпите немного. Быть может скоро, очень скоро я позову вас в дорогу". – "Ты, видимо, хочешь увести нас в пустыню. И не на год, а на 40 лет. Этот номер не пройдет. Мы не так глупы, чтобы повторять историю одного упертого и всему миру известного племени. Тебе повезло. Живи мы лет сто назад, не миновать бы тебе пули, или эмигрантской нищеты, или изнуряющей работы с кайлом под присмотром охранника. А теперь – прочь от нас! Мы не запрещаем тебе звонить в колокола. Да их и не так сильно слышно днем из-за шума городских улиц, а ночью из-за рева дискотек".

Так говорил мир с человеком, стоявшим понуро и смотревшим в землю. Он знал и так, этот человек, что вся проблема в нем самом. Будь он полон жизнью, полон тем, во что верит, все было бы по-другому. Но он не полон. И это – беда. Кто поверит бедняку, рассуждающему о богатстве? Кто поверит словам о целомудрии, сказанным человеком, не имеющим целомудрия? Кто поверит словам о победе над смертью, если произнесены они человеком, боящимся боли, одиночества, голода, даже – зубного врача? "Все верно. Я виноват", – говорил сам себе человек, слушая дерзкие речи собеседника.

Но не много ли я беру на себя, говоря, что от меня все зависит и я сам во всем виноват? Я так мал, так кратковременен. Кроме меня ведь есть и другие. И разве ложь все то, что греет меня изнутри, то, что удерживает меня от безумия и дает силу жить? Собственно, не "то", а "Тот". Ведь Он есть! Он жив! Где Он? Где Ты, Господи?

"Я здесь", – сказал человеку Тот, Кто всегда рядом, Тот, кто идет по пустыне в шаге от тебя и чьи стопы не оставляют следов на песке.

"Я жив. Я здесь. Я слышу вас обоих".

И Он стал говорить с понуро стоявшим человеком. Недолог был Его разговор. Но человек расправил плечи, поднял лицо и на время стал неузнаваем. Он не был больше понур. Он явственно знал, чувствовал, понимал, что эта немощь, которая бросается всем в глаза, нужна и благословенна. "Сила Его в немощи совершается". Таков закон. Нужно, несмотря ни на что, потрудиться для имени Его. И там, где сейчас сухо, закипят родники, а там, где ночует филин, поселятся люди и родят детей. И те, которые говорят о себе, что они иудеи, но не таковы, познают, что Он возлюбил тебя. И те, которые говорят, что они апостолы, но лгут, замолкнут, устыдившись.

Разве много было муки и масла у вдовицы из Сарепты Сидонской во дни Илии? Мало. Но не оскудели масло и мука, потому что Бог повелел им умножаться смиренно, умножаться ежедневно ровно настолько, сколько съели сегодня. Вот и он, человек, бывший понурым, должен будет трудиться и не изнемогать, и его скудость восполнится. Живая вода на дне его чаши прибудет и умножится. Напьются все те, кто не откажется прийти и попросить.

Солнце дошло до зенита и светило на Землю в полную силу. Мир, усмехаясь, ушел, оставив человека одиноко стоять. Он был не в себе, этот человек, дерзающий говорить об Истине. Мир устыдил его и даже напугал. Но потом человек стал вести себя так, словно он слушает не мир, но кого-то другого. Человек поднял голову, и лицо у него стало вначале серьезным, а потом, кажется, даже чуть засветилось. "Но он известный фантазер, – подумал мир. – Он – артист и немного – безумец. Стоит ли тратить время на беседу с таким?" И мир оставил его одного на время. А тот остался стоять на месте.

"Все остается в силе, – думал человек. – Я опять ободрен. В который раз! Благодарю Тебя!" Жизнь продолжится, а вместе с нею и миссия.

Дом

Чтобы говорить с маленьким ребенком "на равных", нужно присесть или согнуться и подражать звукам детского языка. Подобным образом поступает Господь с человеком, когда заводит речь о монетке, о рыбе и о зерне, раскрывая через эти привычные образы учение о небесных тайнах. Если образ непонятен, то как через него уразуметь истину? По необходимости Господь избирал такие примеры, что будут до скончания века понятны большинству жителей Земли, к которым будет обращена проповедь. Одним из таких образов, знакомых и хорошо понятных большинству людей, является образ прочного и постоянного жилья, то есть дома.

Этим образом оканчивается Нагорная проповедь Спасителя. Всякого, кто слушает Христа и исполняет слова Его, Господь уподобляет мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. Такому дому не будут страшны дожди, разливы рек и сильные ветры, непременно имеющие устремиться на здание. Напротив, человек, слушающий, но не исполняющий слова Христа, подобен человеку безрассудному, построившему дом на песке. Этот дом от напора стихии упадет, и его разрушение будет великое (см.: Мф. 7:24–27).

Подобным образом говорит и апостол Павел. Он называет себя тем, кто положил основание веры, а человек, уверовав, затем обязан возводить здание из благородного вещества: золота, серебра, драгоценных камней (см.: 1 Кор. 3:10–15). Тому, кто строит из дерева, сена и соломы, апостол угрожает уроном, поскольку "огонь испытает дело каждого". Под огнем разумеем великий день всеобщего воскресения и последнего суда.

Призыв апостола строить из драгоценных материалов напоминает о видении Иоанном Богословом Небесного Иерусалима, где "основания стены города украшены всякими драгоценными камнями… А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло" (Откр. 21:19,21).

Это, кроме прочего, означает то, что утраченный рай не равен будущему блаженству, но оно больше его. Больше и сложнее настолько, насколько город сложнее девственного леса. Согрешив, люди были изгнаны из цветущего сада. А в будущем им предстоит наследовать город. Об этом прямо сказано в Писании: "Они (праведники древности) стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город" (Евр. 11:16).

Таким образом, строительство, зодчество вписано в Божественные планы, и при помощи него можно объяснять и уяснять духовные тайны точно так, как это можно делать, всматриваясь в растущий колос, в невод, полный рыбы, в подрастающую квашню, во все то, чем изобилуют притчи.

Г. Честертон в "Вечном человеке" дает себе труд остановиться на образе ключей, данных Петру. Ключ, говорит Честертон, есть вещь замысловатая, хитрая. Это не камень и не дубина, но произведение ремесла и художества. Поборники радикальной простоты должны на этих словах призадуматься. Кроме того, ключ должен подходить к замку. Если ключ красив и крепок, но дверь не открывает, то что пользы в нем? Итак, ключи от Царства Небесного должны быть именно ключами от этого Царства, а не просто ключами. И без сомнения, ключ есть плод труда, доступного не всякому.

Глянем теперь на строительство духовного дома с того же ракурса. Что является одинаково необходимым в духовных трудах и созидании дома?

И то, и другое есть процессы длительные и требующие специальных знаний. Размешивать раствор и носить кирпич может каждый, у кого достаточно здоровья. Но ровно поднимать стены и связывать углы, угадывать незаметные для непосвященного глаза нюансы может лишь тот, кто имеет опыт. Это первое.

Второе подобие кажется мне еще более важным. Дом строится постепенно, этап за этапом, и ни одним из промежуточных этапов нельзя пренебречь, ничто нельзя отбросить, забыть, ни от чего нельзя отмахнуться. Нельзя, чтобы крепость фундамента не соответствовала запланированной тяжести стен. Нельзя, чтобы кривизна превысила допустимый предел отклонения. Нельзя экономить на материалах, заменяя нужное количество цемента песком. Нельзя строить дом, начиная с крыши, словно ты рисуешь его на мониторе компьютера, но нужно зарываться в землю и затем подниматься вверх, в строгом соответствии с направлением растущего дерева. Ибо искусство всегда подражает природе и не имеет права пренебрегать ее законами. Собственно, цивилизационные навыки человека и есть некая "вторая природа", в которой живет человек.

Наш духовный дом строится так трудно и так медленно, его стены так часто обрушиваются, незавершенное строение столь некрасиво, а завершению работ не видно конца именно потому, что мы строим абы как и сикось накось. Строим по принципу "и так сойдет", словно строим не для себя, а работаем в стройбате и сооружаем казарму для чужого подразделения. Мы допускаем грубейшие ошибки в планировании, не соблюдаем технологии. И души наши, охваченные одним взглядом, возможно, похожи на недостроенный дачный городок, где куплена земля и начаты работы, но ни один домик не доведен до ума. Там нет крыши и отсырели стены. А вот там ночуют бомжи и выбиты стекла. Ну, а там из фундамента выросло дерево и стены подняты лишь на локоть. Спасение – не такое простое дело, и глубоко неправы протестанты, в своем благодушии убежденные, что сам факт прихода ко Христу через веру делает их раз и навсегда спасенными.

Этот образ строящегося дома присутствует не только в Писании, но и в святоотеческих творениях. Авва Дорофей, к примеру, подробно останавливается на этом образе тоже. Он говорит о полагании фундамента, каковым является беспримесная апостольская вера. Затем наступает черед возведения стен. Стены складываются из кирпичей. Кирпичи – добрые дела, совершенные ради Господа, исполнение заповедей. Простил обиду – положил кирпич. Сдержал гнев и не дал развязаться зачесавшемуся на зло языку – положил еще кирпич. Помолился внимательно и от сердца
– еще кирпич. Чтобы кирпичи держались друг друга, нужен цемент. Цемент – это смирение. Гордо совершенные добродетели рано или поздно рухнут, словно кирпичи, не держащиеся один за другой. Такое строительство продолжается долго. И наконец, когда стены возведены и не падают, можно покрывать дом крышей. Крыша – это любовь, она же и венец всех добродетелей.

Очень важно отметить, что любовь как отдельная добродетель отсутствует. Ее, любовь, невозможно возделывать и взращивать отдельно от всех остальных добродетелей. Наоборот, нужно воспитывать в себе терпение, сострадание, умеренность, воздержность, молитву, отзывчивость. И лишь когда эти труды продолжаются упорно и начинают приносить плод, есть надежда, что Бог увенчает их подарком. Бог подарит любовь, и она явится сама, как небесный дар, как венец всех ранее понесенных трудов. У нас нет любви. Это надо признать. Но в наших силах делать дела любви без самой любви. А в Божией власти подарить нам любовь, когда Ему будет угодно.

Сентиментальные рассуждения о любви не имеют никакого смысла, если параллельно не воспитываются все предшествующие любви добродетели. Это закон. Так, Ной долго строил ковчег, чтобы войти в него с семьей и животными. А когда вошел, "затворил Господь Бог за ним ковчег" (Быт. 7:16). То есть Ной строил, а когда закончил, последнее дело осталось за Богом. За Богом всегда остается последнее дело, и Он Сам венчает наши труды. Это тоже закон.

Подобное положение вещей видим и при служении литургии. Перед ее началом священник говорит: "Время сотворити Господеви", то есть "настало время Господу действовать". Мы служим, и просим, и молимся, а Он совершает, творит. Так что о любви лишний раз говорить не стоит, но стоит трудиться ради получения любви в подарок. В противном случае мы рискуем раздражать Бога неуместными словами и нарушением строгой последовательности духовных действий.

Трудно сказать, на какой стадии находится наш бесценно важный строительный объект. У кого-то выросли стены. У кого-то только положен фундамент. Но с крышей точно проблемы у всех. А у некоторых проблемы, быть может, даже с основанием. Гордиться нечем, а труды всех ожидают немалые. Посему стоит подумать об убегающем времени и о жизни, стремящейся на встречу с Воскресшим Господом. Он будет принимать работу. И не только принимать работу, но и поселиться захочет в сооруженном жилище, поскольку сказано: "Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною" (Откр. 3:20). Стыдно будет предоставить Господу недостроенное и неукрашенное жилище без крыши, не могущее укрыть путника ни от дождя, ни от зноя.

Кажется, сказано довольно. Пора и за работу приниматься.